

САРМАТ

РОМАНЫ О ЛЕГЕНДАРНОМ МАЙОРЕ СПЕЦНАЗА

Молчание посвященных

Александр ЗВЯГИНЦЕВ

Сармат

Александр Звягинцев

Молчание посвященных

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Звягинцев А. Г.

Молчание посвященных / А. Г. Звягинцев — «Эксмо»,
2016 — (Сармат)

ISBN 978-5-699-90511-9

После очередной операции майора спецназа Сарматова и его людей «по политическим соображениям» вывели из игры. На его успехе «погрели руки» другие. Тяжелораненый офицер ничего о себе не помнит. Он не понимает, почему им интересуются западные спецслужбы; не знает, что теперь его ищут те, кто когда-то предал его. Сарматов не догадывается, что в его беспамятстве заинтересованы очень серьезные люди; живой, майор для них очень опасен. Молчат и его сослуживцы, поскольку посвящены в такие секреты, что любое неосторожное слово грозит им смертью. Но придет время, и Сармат вспомнит все... Роман издавался также под названием «Смерть поправший».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90511-9

© Звягинцев А. Г., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пакистан. Пешавар, 21 февраля 1990 года	6
Пешавар, 5 марта 1990 года	10
Пешавар – Гонконг, 22 марта 1990 года	22
Гонконг, 26 марта 1990 года	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Звягинцев

Молчание посвященных

© Звягинцев А. Г., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пакистан. Пешавар, 21 февраля 1990 года

Наступал тайный час.

Ранние утренние сумерки сползали с фиолетового неба, постепенно освобождая из ночного плена заснеженные вершины гор и затянутые перламутрово-сизым туманом каменистые каньоны и зеленые долины. И вот уже первый розовый отблеск занимающейся зари коснулся островерхих каменных исполинов. Самый высокий из них поначалу робко зарделся, а через несколько минут внезапно полыхнул, как алмаз, всеми своими ледяными гранями и запылал долгожданным маяком надежды.

Князь тьмы отступал.

Рассветный зефир, вдоволь наигравшись с туманом, стремительно ворвался в цветущий на склоне долины сад. Принеся с собой свежесть высокогорных ледников и весенний аромат соцветий, он, заглушив монотонный треск цикад, смело впорхнул сквозь открытое зарешеченное окно в крохотную каморку на втором этаже просторного дома. Обдав знобким холодком спящего на узкой металлической кровати бритоголового мужчину, заставил его протяжно застонать и шевельнуться. По обнаженному, покрытому рваными шрамами телу человека пробежала крупная дрожь, воспаленные веки стали медленно приоткрываться. Потрескавшимися губами он жадно втянул в себя свежий воздух и тут же зашелся в удушающем кашле. Когда через несколько минут приступ прекратился, его мутные, наполненные нечеловеческой болью глаза стали постепенно приобретать осмысленное выражение.

Несмотря на адскую боль в голове, страдалец уловил едва различимые голоса и далекий лай собак. В его глазах мелькнула неосознанная тревога. Он напрягся и, преодолевая почти парализующую слабость, спустил с кровати худые, высохшие ноги, попытался встать. Однако сделать это удалось только после нескольких попыток.

Опираясь на спинку стула, мужчина подтянул непослушное тело к железной решетке окна, и его удивленному взору открылись стены добротной каменной кладки с колючей проволокой поверху, охватывающие по периметру большой двор. За ними угадывалось восточное селение – с домами, спрятанными за высокими дувалами, с мечетью и шпилем минарета, над которыми нависали размытые молочным туманом пики заснеженных гор.

Вдыхая ароматы цветущих фруктовых деревьев, мужчина с жадностью взирал на открывшийся перед ним мир. Сквозь умиротворенный покой окутанного рассветной мглой сада он расслышал плеск воды, а потом и разглядел за деревьями выложенный диким камнем бассейн с фонтаном, вокруг которого, нахохлившись, дремали грациозные павлины. В глубине сада угадывалась ажурная, в мавританском стиле беседка.

Где-то совсем близко снова слышались голоса. Человек напрягся и, выглянув из окна, посмотрел вниз. Прямо под ним сидели на корточках двое вооруженных мужчин в тюрбанах – один грузный, с пышной седой бородой, другой совсем юный, почти подросток, и вели неторопливый разговор на гортанном наречии.

– Больше года колода колодой, хоть бы Аллах забрал его, – провел ладонями по седой бороде грузный. – Но, видно, у Аллаха и без него забот хватает...

– Керим-ага, от кого мы охраняем русского гяура? – опасливо оглянувшись по сторонам, спросил юноша.

– С чего ты взял, что гяур – русский? – рассердился седобородый.

– Хазарец Рахимджат на прошлой неделе слышал, как гяур выкрикивал в бреду грязные русские слова. Рахимджат говорит, что такие слова доносились из окопов шурави под Хостом.

– Тс-с-с!.. Без языков останетесь ты и твой хазарец!

– А я так думаю, уважаемый Керим-ага, – не унимался юноша, – если наш хозяин прячет гяура от чужих глаз и заставляет охранять его днем и ночью, как не охраняют даже гарем падишаха, значит, нечестивый гяур, да укоротит Аллах его дни, стоит того...

– Аллах ему судья, а не мы с тобой, глупец!

– Керим-ага, Саид хотел лишь сказать, что наш хозяин Айюб-хан и его братец Али-хан очень любят зеленые американские доллары...

– Все их любят, да не всем они к рукам липнут... Но к чему ты клонишь?

– К тому, что эти шакалы хотят вылечить гяура и получить за него с шурави большой выкуп.

– Молчи, молчи, ишак!.. – Керим-ага зажал рот молодому стражнику и бросил испуганный взгляд на раскрытое окно второго этажа, где, как ему показалось, мелькнула тень. – Молчи, если не хочешь заживо сгнить у них в зиндане!

Молодой стражник провел ладонями по лицу и простер к небу руки:

– О Аллах Всемогуший, защити глупого маленького Саида от гнева злых шакалов Айюб-хана и Али-хана!..

Из-за стены, с высоты минарета, донесся пронзительный крик муэдзина. Заполотно хлопав пестрыми крыльями, потревоженные павлины скрипуче заголосили ему в ответ. Охранники быстро расстелили коврики и, опустившись на колени, лицами к разгорающейся полосе зари, приступили к утреннему намазу.

Хотя пленник не знал языка, на котором разговаривали охранники, он почему-то не сомневался, что разговор шел о нем. Он еще раз с удивлением оглядел комнату, в которой, кроме кровати, стула, умывальника и трюмо, больше ничего не было.

«Где это я? – преодолевая головную боль, подумал он. – Что это за комната?.. Пахнет карболкой и лекарствами, как в... – Попытался вспомнить, где так пахнет, но вспомнить почему-то не смог. Случайно взгляд его упал на трюмо, и он в испуге отшатнулся: на него смотрел незнакомый ему человек с бледным, перепуханным шрамами лицом, обрамленным жесткой полуседой щетиной, с запавшими мутными глазами. – Ну и рожа! С таким типом надо быть осторожнее...»

Мужчина поднял руку – и Тот тоже поднял руку. Он прикрыл лицо ладонью, продолжая сквозь пальцы следить за Тем, но и Тот, прикрывая ладонью лицо, настороженно следил сквозь пальцы за ним.

«Зеркало!.. И эта омерзительная страхолюдина – я! – преодолевая нарастающий шум в ушах, попытался рассуждать он. – Но почему я не узнал своего лица?.. Если тот тип – я, то у меня должно быть имя, но почему я не помню его?.. Что это за комната и зачем на окне решетка?.. А те вооруженные люди под окном, кто они – друзья или враги?..»

Держась за стену, он добрался до двери и осторожно приоткрыл ее. В тесном холле под настольной лампой горбился над книгой человек в белом халате, с растрепанным тюрбаном на голове. Услышав скрип двери, он вскочил, будто укушенный змеей, и выхватил пистолет, но, увидев бессильно привалившегося к дверному косяку мужчину, издал удивленный вопль.

– О Аллах, что видят мои глаза?! – затараторил он на фарси. – Невероятно!.. О Аллах Всемогуший!.. Чудо!.. Чудо из чудес!..

– Не понимаю твоего языка, – по-русски прохрипел мужчина, сползая по дверному косяку на пол. Человек в белом халате бережно подхватил его и довел до кровати.

– Кто ты? – Отдышавшись, он напряженно всмотрелся в черные, как ночь, глаза.

– Я лечащий врач сахиба, доктор Юсуф. – Ответ прозвучал по-русски, но с заметным акцентом. – Почти полтора года я провожу дни и ночи у твоей постели. Недостойный Юсуф всегда верил, что Всемогуший Аллах будет милостив к сахибу и продолжит его жизнь в подлунном мире.

– Где я нахожусь?

– В больнице, сахиб... В частной клинике доктора Айюб-хана, в Пешаваре.

– Что такое Пешавар?

– Милостью Аллаха, город в Исламской Республике Пакистан, – ответил доктор Юсуф и бросил на больного встревоженный взгляд.

– Какое сегодня число? – спросил тот.

– Двадцать первое февраля.

– А год?

– Тысяча девятьсот девяностый, – с нарастающей тревогой ответил врач. – Полтора года ты был между жизнью земной и жизнью вечной, но теперь сахиб будет жить, да продлит Аллах его дни и не оставит без своей защиты.

– Кто такой Аллах?

У доктора Юсуфа от удивления округлились глаза:

– Э... э... э... Бог... Создатель всего сущего на земле.

– А кто я? Как меня зовут?

– Э... э... э... Разве ты не помнишь, кто ты?

– Не помню... Как я попал в эту клинику?

– Сахиба привез Али-хан, да не оставит Аллах его без своего благословения.

– Кто этот Али-хан?..

– Али-хан, он... он очень большой набоб – начальник, по-русски. Сахиб находится под его покровительством.

– Откуда он привез меня?

– Откуда? – в замешательстве переспросил Юсуф. – Э... о, сахиб, я слишком маленький человек в клинике знаменитого профессора Айюб-хана, родного брата Али-хана, знать об этом мне не положено.

– Я ничего не понял из сказанного тобой, – прохрипел мужчина. – У меня болит голова...

Доктор Юсуф опрометью бросился в коридор и через минуту вернулся со шприцем, наполненным какой-то жидкостью. После укола больному стало легче – пришел в относительную норму пульс, с лица спала смертельная бледность.

– Спать!.. Спать!.. Спать!.. – глядя ему прямо в глаза, скомандовал врач.

Мужчина послушно закрыл глаза и сразу же провалился в засасывающую, как омут, черную бездну...

Распадаясь на части и наслаиваясь друг на друга, в его памяти возникли фрагменты каких-то событий. Лица действующих в них людей он хорошо знал, он даже вспомнил обрывки некоторых разговоров, но никак не мог понять смысл их поступков и вспомнить их имен. Неожиданно бездна загромыхла взрывами, пулеметными и автоматными очередями. Откуда-то возник восточный дом, он запылал и взлетел на воздух. Затем из мрака выплыли горящие глаза шакалов и их леденящий душу вой. Желтые глаза зверей сменили крутые пики заснеженных гор и нестерпимо яркое, раскачивающееся, как маятник, солнце, из объятий которого неожиданно вырвался грохочущий черный вертолет и, спикировав, как коршун на добычу, выпустил огненно-дымные стрелы. Пронзив его, они тут же превратились в тысячи прыгающих огненных шаров, сжигающих его плоть...

От острой боли мужчина рванулся и закричал, но какие-то люди навалились на него и привязали ремнями к кровати его руки и ноги. На борьбу с ними он истратил остатки сил, и, стоило ему закрыть глаза, как опять вплотную подступила ревущая и взрывающаяся бездна. Через некоторое время она замерцала мириадами ярких звезд. Самая яркая из них вдруг сорвалась со своей орбиты и устремилась к нему. Приблизившись вплотную, она окуталась мерцающим пламенем, из которого шагнула красивая молодая женщина с длинными белокурыми волосами...

– Что бы ни случилось с нами, помни, Сармат, – мы с тобой одной крови! Одной!.. Помни... помни... – шептали губы женщины, и тихим скорбным светом светились ее синие, как северное небо, заплаканные глаза.

«Кто это?» – попытался вспомнить мужчина, но, как ни старался, не смог.

Скоро лицо женщины поглотило мерцающее пламя, а ненасытная черная бездна окрасилась в кроваво-красный цвет, превратившись в кратер вулкана. Он быстро наполнялся клокочущей раскаленной магмой, которая обдала мужчину нестерпимым жаром.

Страдалец не слышал ни причитаний доктора Юсуфа, суесящегося со шприцем у его постели, ни разговора склонившихся над ним двух похожих друг на друга людей, удивительно похожих, несмотря на то что на одном из них был белый медицинский халат, а на другом – мундир офицера пакистанской армии.

– Говорил же я тебе, дорогой брат Айюб, что эти русские собаки фантастически выносливы и живучи, – с превосходством старшего произнес офицер. – Мне рассказывали, что они в их ледяной Сибири, выпив целую бутылку водки, могут без последствий для здоровья провести ночь в сугробе.

– Вынужден это признать, брат Али-хан. Я совершенно не рассчитывал, что гяур когда-нибудь выйдет из комы, но, как видишь, Аллах почему-то простер свою безграничную милость и на него.

– Я сегодня же сообщу об этом полковнику Метлоу, – радостно потер ладони Али-хан. – Хотя, признаться, мне непонятно горячее участие ЦРУ в судьбе этого русского.

– Янки – прагматики... Они не станут вкладывать деньги в курицу, от которой не рассчитывают получить золотые яйца.

– Ты хочешь сказать, что если он выздоровеет, то принесет им гораздо больше долларов, чем они потратили на его лечение?

– Вот именно...

– Хм-м... В таком случае стоит сообщить Метлоу новую цену за пребывание гяура в нашей клинике, – отозвался Али-хан и самодовольно хохотнул. – Я назову такую цену в его зеленых долларах, что он лопнет от злости!

– Не забудь включить в нее компенсацию за риск, которому мы подвергались из-за его русского целых полтора года, – заволновался Айюб-хан, и на его лоснящихся смуглых щеках заиграл густой румянец.

– Не забуду! – Али-хан снова хохотнул.

Когда братья выходили из комнаты, доктор Юсуф бросил им вслед презрительный взгляд и тут же спрятал его за густыми черными ресницами.

Пешавар, 5 марта 1990 года

Прильнув к решетке, мужчина с жадностью вдохнул весенний воздух и подставил солнцу изможденное, обезображенное шрамами лицо. Охранники за окном, увидев его, приветливо заулыбались, а седобородый Керим-ага, встав на металлическую лестницу, просунул сквозь решетку руку и протянул ему щепотку какого-то бурого вещества. Больной подозрительно понюхал вещество, не понимая его назначения.

– Терьяк... Еще его называют гашишем, или чаре, – оглянувшись по сторонам, пояснил охранник. – Это снадобье шайтана на некоторое время дает блаженство душе и отдых телу... Похоже, гяур, ты сейчас нуждаешься как раз в этом...

Щепотку бурого вещества Керим-ага сунул себе под язык и, закатив глаза, с наслаждением зацокал языком. Мужчина последовал его примеру, но его едва не стошнило.

– Какая гадость! – Он с отвращением плюнул.

– Гяур не знает вкуса терьяка. А вчера я дал ему кусочек шербета, но он и его выплюнул. – Саид презрительно засмеялся. – Неужели в его нечестивой стране люди не знают вкуса терьяка и шербета?

– Привратник Муса сказал мне по секрету, что гяур совсем потерял память, – вздохнул Керим-ага. – Он не помнит своего имени и даже имени своего бога. Я много думал, но так и не додумался, зачем Аллаху сохранять гяуру жизнь, если эта жизнь – без памяти. Человек без памяти – лишь оболочка человека. Любой может его пнуть ногой, как последнюю собаку.

– Может, Аллах взял память гяура потому, что в его жизни было что-то такое, о чем ему лучше не помнить, – предположил Саид.

– Смертным непостижимы поступки Творца. – Бросив сочувственный взгляд на изуродованного человека в окне, Керим-ага снова вздохнул.

– Говорят, что память иногда возвращается к таким людям...

– На все воля Аллаха! – провел ладонями по бороде Керим-ага. – Захочет Всемогуший, и нищего дервиша сделает падишахом, а падишаха в единый миг превратит в презренного погонщика верблюдов...

Увидев у подъезда клиники два джипа, он неодобрительно качнул тюрбаном. Из одной машины показались американские морские пехотинцы, из другой вышли крепкий широкоплечий европеец в элегантном светлом костюме и пакистанский офицер.

– Американец с Али-ханом опять прикатали! – проворчал Керим-ага. – Вах, вах, вах, опять будут мучить несчастного гяура и будить его уснувшую память!

– Эй, русский! – склонился над лежащим мужчиной европеец. – Ты помнишь меня, русский? – Тот наморщил от напряжения лоб и отрицательно покачал головой. – Не помнит! – с сожалением констатировал по-английски европеец и повернулся к Айюб-хану: – Док Айюб, есть хоть малая надежда, что память все же вернется к этому человеку?

– Сильнейшая контузия, сэр, задета центральная нервная система, – ответил тот. – Из памяти вычеркнуто все, что было с ним до момента травмы. Мы называем это ретроградной амнезией. Такие больные помнят лишь то, что случилось с ними после травмы, и могут ориентироваться только в настоящем. Иногда они еще помнят навыки своей профессии, а также родной язык и языки, которыми владели до контузии. Порой в их памяти всплывают разрозненные фрагменты прошлого, но составить из них целостную картину прежней жизни они не в силах. А вследствие этого не могут выстроить адекватного поведения в окружающем их мире и начинают стремительно деградировать. Боюсь, сэр, что вы напрасно потратились на его лечение.

– Док, разве я просил вас считать мои деньги? – резко прервал европеец Айюб-хана. – Я хочу услышать – есть ли у больного надежда?

– Дело в том, сэр, что при краткосрочной и долгосрочной памяти в человеческом мозге происходят разные процессы. – Врач явно смутился от его тона. – Так вот, процессы и связи, обеспечивающие долгосрочную память, у пациента полностью нарушены. Но все в руках Аллаха, сэр...

– Не понимаю, Метлоу, вашего интереса к этому русскому офицеру, – подал голос Али-хан.

– Приберегите красноречие, Али-хан, оно вам скоро пригодится! – Метлоу бесцеремонно повернулся к нему спиной и снова обратился к Айюб-хану: – Вы все еще не ответили на мой вопрос, док.

– Определенно сказать, восстановятся ли у нашего пациента нарушенные при травме мозга связи, я, увы, не могу, – развел руками тот.

– А кто может сказать определенно?

– Думаю – никто.

Внезапно больной дотронулся до руки европейца.

– Мне знакомо ваше лицо, но я не могу вспомнить, кто вы, – морща лоб, произнес он по-английски. – Еще я никак не могу вспомнить, кто я. Может быть, вы это знаете?..

– Видите, Метлоу, он помнит английский, но совершенно не помнит, кто он, – вставил Али-хан. – Все за то, что возиться с ним дальше не имеет смысла...

Европеец смерил его ледяным взглядом и повернулся к больному:

– Имя Джордж Айвен Метлоу вам ничего не говорит? Метлоу. Слышите, Метлоу?.. Это меня зовут Джордж Метлоу... Помните меня?..

– Не помню...

Метлоу властным жестом показал братьям на дверь:

– Прошу прощения, господа, у меня конфиденциальные вопросы к больному. – Когда те вышли, он плотно закрыл дверь, пустил из крана умывальника шумную струю воды и спросил, перейдя на русский: – А имя Алан, Алан Хаутов тебе знакомо?

– Не знакомо, – тоже по-русски ответил больной.

– А Ваня Бурлак?.. Сашка Силин?..

– Не помню...

– А капитана Савелова помнишь?

– Савелова? – Больной наморщил лоб и бессильно откинулся на подушку. – Нет... Не помню такого капитана...

– А Сармата, майора Игоря Сарматова, помнишь?

– Кто это?

– Ты!.. Ты русский майор Сарматов!

– Что такое – русский?

– Национальность. Майор Игорь Сарматов, русский по национальности. Это ты.

– Я не понимаю твоих слов!

– Ну, Сармат, вспомни! Ну же, вспомни свою Россию! Вспомни синее небо, белоствольные березы! Тихий Дон свой вспомни!

Но Сарматов, как ни пытался, вспомнить ничего не смог. Слабым от неимоверного напряжения голосом он прошептал:

– Я ничего не могу вспомнить. Даже того, как я сюда попал.

– Твоя страна Россия послала тебя воевать в другую страну.

– Воевать?.. Зачем?..

– Сложно объяснить... Но та война уже закончилась, и русские войска ушли в свою страну.

– Кишлак... Разрушенный кишлак помню... Стреляет что-то черное с неба – помню... Люди на тропе, падают – помню... Какую-то грязную пещеру – помню...

– А людей в пещере? – вскинулся Метлоу. – Пленного американского полковника помнишь?..

– Не помню! – прошептал Сарматов и, роняя со стоном отрывистые слова, сжал голову руками: – Какие-то обрывки... Очень яркое качающееся солнце... Огненный шар на струях воды помню... Белобородого старика... Еще одного старика. Но он в крови?.. Почему он в крови?.. Ответь же мне!

– Вспоминай, вспоминай сам, Игорь! – тряс его за плечи Метлоу. – Что тебе сказал белобородый старик? Ну, ну, вспоминай?

– Да, да, белобородый старик что-то такое сказал... Что-то очень важное. Не могу вспомнить, что... Шакалов в темноте помню... Шакалы глаза... Женщину с белыми волосами и синими глазами помню, но не помню, кто она, – с отчаянием прошептал Сарматов и бессильно упал на подушку.

Метлоу с состраданием провел ладонью по его отрастающим волосам, скрывающим следы страшных ран на голове.

– Оставьте меня, – прохрипел тот по-английски сквозь стиснутые зубы. – Пожалуйста, оставьте...

Не скрывая огорчения, Метлоу прошел в кабинет Айюб-хана, где, кроме самого доктора, находился и Али-хан.

– Док Айюб, есть ли смысл пациенту продолжать лечение в вашей клинике? – спросил он от порога. – Прошу ответить прямо.

– Мне жаль потраченных вами денег, Метлоу, но русский майор безнадежен, – ответил за брата Али-хан. – Разумеется, мы можем оставить его при клинике. Он будет выполнять какую-нибудь черную работу по хозяйству и тем самым отрабатывать свою миску чечевичной похлебки. Кстати, нашим собакам она очень нравится. – Он засмеялся. – Представь себе, полковник, они даже грызутся из-за нее.

– Это все, что вы можете ему предложить? – смерил его гневным взглядом Метлоу.

– Сочувствую, сэр, тем более что его дальнейшее лечение будет обходиться вам гораздо дороже, чем прежде. Кроме того, есть необходимость обговорить с вами другие проблемы...

– Яснее, пожалуйста, – поднял на него глаза Метлоу.

– Риск, которому мы с братом подвергались, скрывая русского офицера в нашей клинике, также должен быть вознагражден.

– Во сколько вы его оцениваете?

– Э-э-э... По крайней мере, сумма, разумеется, в долларах, должна быть не меньше той, которую мы от вас получили за прошедшие полтора года...

– Не меньше? – переспросил Метлоу и усмехнулся. – Это я могу понять, а вот радости по поводу того, что мой подопечный безнадежен, не понимаю.

– В Коране сказано: «Если Аллах хочет наказать грешника сильнее, то отнимает у него память». – Тонкие губы Али-хана растянулись в злой улыбке. – Я не люблю русских, коллега.

– А вот в Библии сказано: «Если Бог хочет наказать грешника, то отнимает у него разум», – оборвал его Метлоу. – Разве пакистанской разведке неизвестно, что я тоже русский?

– О, полковник! – поплыли маслом глаза Али-хана. – Вы – другое дело, вы родились в Штатах, а я о русских из России – о красных русских.

– О красных русских мы поговорим позже, а сейчас я хочу услышать наконец от доктора Айюб-хана, есть ли у пациента хоть ничтожный шанс обрести память?

– Сожалею, сожалею, господин Метлоу, что не оправдал вашего доверия, – склонился в подобострастном поклоне Айюб-хан. – Однако уверяю в полном моем почтении к вам и к вашей великой стране...

– Отвечайте прямо, черт подери вашу восточную церемонность!

– Я всего лишь провинциальный врач, – смешался от резкого тона Метлоу Айюб-хан. – Но уверяю вас, что современная медицина в данном случае бессильна...

– В одном английском журнале я как-то прочитал, что японский профессор Осира добивается поразительных результатов с подобными пациентами. Вы не слышали о нем? – внимательно посмотрел на него Метлоу.

– Профессор Осира? – переспросил Айюб-хан. – Никогда не слышал о таком. Каковы же его методы?

– Психические и гипнотические воздействия на мозг больного и тайные восточные знахарства, не признаваемые европейской медициной.

– Восток всегда кишел шарлатанами, – отмахнулся пухлой ладошкой Айюб-хан. – Кстати, этот ваш Осира, он практикует в Японии?

– Советую и вам, док, стать его пациентом, – не удержался от саркастической усмешки полковник. – Как же можно было забыть, что пять лет назад вы два месяца стажировались у профессора Осиры в Гонконге? А ведь, по моим сведениям, он щедро делился с вами тайнами целителей Юго-Восточной Азии, не так ли?

– О-о, сэр!.. – Смуглое лицо Айюб-хана пошло красными пятнами. – Вот вы о ком!.. О том сумасшедшем... Я, признаться, думал, что старого самурая давно нет в живых.

Метлоу смерил его насмешливым взглядом и повернулся к Али-хану:

– Итак, коллега, не мог бы ваш забывчивый родственник совершить еще одно путешествие в Гонконг с интересующим меня пациентом? Разумеется, за хороший гонорар в долларах.

– Мы с братом обсудим эту проблему, – важно ответил Али-хан, пренебрегая протестующими знаками побледневшего Айюб-хана.

– Господин полковник! – панически выкрикнул тот. – У меня большая семья... На мне клиника... Больные... Ко всему прочему, я собираюсь баллотироваться в парламент нашей страны...

– Вы серьезно? – повернулся к нему американец.

– Вы должны меня понять! – умоляюще протянул к нему ладошки Айюб-хан. – Если моим соперникам по выборам станет известно, что я тайно связан с русским офицером, то я пропал...

– Согласно нашей договоренности, коллега, то, что пациент русский офицер, не должен был знать никто, – обратился полковник к Али-хану. – Откуда вашему родственнику известно, что он русский?

– Об этом доложил доктор Юсуф, – совершенно не смутился тот. – Он уже полтора года лечащий врач пациента. Можно сказать, дни и ночи проводит у его постели. А тот в бреду не раз кричал и матерился по-русски, извините, как грязная свинья.

– Понятно, – кивнул Метлоу. – Давайте начистоту: кто еще, кроме вас двоих и вашего Юсуфа, знает, что пациент – русский?

– Пуштуны-охранники знают, – пролепетал Айюб-хан. – Они тоже слышали его крики... Но, сэр, я готов поклясться на Коране, что они будут молчать как рыбы.

– Ой ли?..

– Зиндан на Востоке – не ваша американская тюрьма с телевизором и душем, – усмехнулся Али-хан. – Хвала Аллаху, дорогой полковник, в нашей стране пока не привились лживые химеры вашей демократии типа прав человека, неприкосновенности личности, свободы слова и прочей чепухи... Болтливые у меня в зиндане расстаются с языками раньше, чем надумают произнести лишнее слово...

О казематах пакистанской контрразведки полковник Метлоу имел полную и достоверную информацию, а дискутировать с самодовольным индюком Али-ханом о демократии не имело никакого смысла. Он снова обратился к Айюб-хану:

– Если не вы, док Айюб, то кто еще из врачей вашей клиники мог бы сопровождать больного в Гонконг, разумеется, на условиях неразглашения сведений о нем?

– В сложившейся ситуации только доктор Юсуф, – поспешил тот с ответом. – Судите сами: если доктор Юсуф молчал до сих пор, что наш тайный пациент – русский офицер, он будет молчать и дальше... Потом, как мне показалось, Юсуф симпатизирует русскому.

– Откуда ваш Юсуф знает русский язык?

– Тараки послал его учиться в Советский Союз. Он получил диплом врача в Москве, в институте для иностранцев. Могу свидетельствовать, что там неплохо учат некоторым медицинским специальностям, мистер Метлоу.

– О'кей! – подумав, кивнул полковник и обратился к Али-хану: – Мне нужна подробная информация о доке Юсуфе. Выкладывайте-ка, коллега, всю его подноготную.

– Юсуф из Мазари-Шарифа, это провинция на самом севере Афганистана, – неохотно начал Али-хан.

– Где и какая провинция в Афганистане, я знаю, – оборвал его американец. – Таджики он или узбек?

– Родился Юсуф в высокогорном кишлаке на границе с Советским Союзом, в таджикской семье. Шестой ребенок... Дед Юсуфа в тридцатые годы был известным на Памире и в Ферганской долине курбаши. Его расстреляли большевики...

– После защиты диплома в России Юсуф еще три года стажировался в Турции, – добавил Айюб-хан. – При Кармале, сразу, как только Юсуф возвратился из Турции в Афганистан, он был призван в нечестивую правительственную армию.

– Служил военврачом в главном госпитале афганской ХАД, – с непонятной усмешкой дополнил Али-хан.

– Как Юсуф оказался у вас?

– В восемьдесят шестом он попал в плен к одному из пуштунских полевых командиров, – небрежно бросил Али-хан. – Но, сэр, не много ли мы уделяем внимания этому ничтожному голодранцу Юсуфу? Он и без того сделает все, что мы ему прикажем.

– У вас плохо с ушами, коллега? – повысил голос Метлоу. – Я просил выложить о нем все. Али-хан побагровел и демонстративно отвернулся к окну.

– Сэр, кровожадные пуштуны хотели Юсуфа расстрелять, но у моего брата доброе сердце – он выкупил у моджахедов его жизнь за большие деньги и тайными тропами переправил сюда, – поспешил разрядить ситуацию Айюб-хан. – В моей клинике доктор Юсуф проявил себя как талантливый нейрохирург, специализирующийся на черепно-мозговых травмах.

– Какой политической партии или движению он сочувствует?

– Доктор Юсуф, как истинно правоверный мусульманин, не интересуется политикой. Облегчая участь больных, дни и ночи он проводит в клинике или молится в соседней мечети.

– Так набожен?

– Как все горные таджики... Ни один намаз не пропустит, может часами распевать суры из Корана.

– Док Айюб, рекомендуя Юсуфа для поездки в Гонконг, вы теряете талантливого врача, я правильно понимаю?

– Да, это для нас большая потеря, – горестно всплеснул руками Айюб-хан.

– Но при определенной компенсации проблема вполне разрешима, – вновь взял на себя инициативу Али-хан. – Думаю, это не сильно обременит бюджет Лэнгли, полковник.

– О'кей! – кивнул Метлоу. – Разумеется, вы вправе рассчитывать на компенсацию, но тогда я должен буду указать в финансовом отчете, что деньги американских налогоплательщиков потрачены на выкуп... раба.

– Отдаете себе отчет, полковник? – вспыхнул Али-хан. – Как прикажете понимать ваши слова?

– Именно – раба! – повысил голос Метлоу. – Или, господа, вы будете отрицать статус доктора Юсуфа в вашей клинике?

– Не забываетесь! – взорвался Али-хан. – На Востоке свои обычаи, и не американцам отменять их.

– Остыньте и оцените ситуацию, – смерил его насмешливым взглядом Метлоу. – Талантливый врач-нейрохирург выкуплен у афганских моджахедов из плена резидентом пакистанской разведки и передан в рабство своему брату – владельцу частной клиники, который к тому же баллотируется в парламент страны. Это ли не находка для журналистов? Я уж не говорю о соперниках дока Айюба на парламентских выборах. – На побледневшем лице Айюб-хана выступили капли холодного пота. – Кстати, замять такой скандал, даже за очень крупную взятку, руководству пакистанской разведки вряд ли удастся, – в упор посмотрел на Али-хана Метлоу.

Тот ответил ему взглядом, полным бессильной ярости.

– На жаргоне нью-йоркских клоак это, кажется, называется cheat, или, попросту говоря, надуть партнера по сделке, кинуть, – прошипел он. – Так с союзниками не поступают! Не докладывая полтора года моему руководству о русском офицере, разве я не оказал услугу вам лично?

– Кто кого кинул, мы выясним позже, – поднялся Метлоу. – О'кей, док Айюб!.. Готовьте пациента к путешествию в Гонконг и не забудьте дать доку Юсуфу рекомендательное письмо к профессору Осире.

– Непременно, непременно! – воскликнул Айюб-хан. – Но, сэр, могу ли я быть уверенным, что конфиденциальная информация о докторе Юсуфе не попадет к моим соперникам и на страницы газет?

– Не обещаю, – отрезал Метлоу и показал на Али-хана. – Все будет зависеть от умения вашего братца не делать резких движений.

Братья недоуменно переглянулись.

– Что вы имеете в виду? – пролепетал Айюб-хан.

– Только то, что он – законченный мерзавец.

– Не делайте из меня врага, полковник! – взорвался Али-хан. – Сожалею, что вы втравили меня в грязное дело с русским гяуром!

Смерив его презрительным взглядом и небрежно кивнув Айюб-хану, Метлоу стремительно покинул кабинет.

Братья вновь переглянулись.

– Говорил я тебе, что ни одному янки нельзя верить! – воскликнул потрясенный Айюб-хан. – Полтора года дрожать от страха – и такой результат!

– Какая муха его укусила? – пробормотал обескураженный Али-хан. – Ты пока сообщи Юсуфу о поездке в Гонконг, а я, несмотря на нанесенное мне оскорбление, попробую вызвать глупого янки на откровенность, – добавил он и, забыв о своей солидности, опрометью бросился вслед за Метлоу.

Башни древней мечети Махабат-хана неприступно возвышаются над пыльными и узкими улочками старого города. Просторную площадь перед входом в мечеть занимает восточный базар. Здесь можно купить все: от верблюда до грациозного арабского скакуна, от ржавого трактора марки «Беларусь» до сверкающего свежим лаком «Мерседеса», от обожаемого Востоком «калашника» до американской зенитной ракеты «стингер».

По обочинам площади, за грязным арыком, оборванные и изможденные люди предлагают кустарные поделки, домашнюю снедь, зелень и какое-то тряпье, но мало-мальски состоятельных покупателей вокруг их жалких лотков почти не наблюдается, и продавцы с восточной отрешенностью лениво перебрасываются в нарды или, после очередной дозы гашиша, дремлют на корточках в тени деревьев.

Едва Метлоу вырулил на примыкающую к базару улочку, как его джип оказался в плотном окружении юных оборванцев, тянущих худые, грязные руки за подаванием.

– Прочь, свинячье племя! – замахнулся на них Али-хан. – Дети афганских беженцев! – раздраженно пояснил он. – Русские ушли, но из-за грызни между моджахедами мы по-прежнему вынуждены терпеть этих голодранцев в нашей благословенной стране!

– Хватит болтать! – повысил голос Метлоу. – Напомню вам восточную мудрость: «Из щенков шакалов вырастают шакалы, а из детей обиженных народов отважные мамлюки».

– Увы, мистер Метлоу, – скрывая за улыбкой ярость, возвел руки к небу Али-хан. – Отважные мамлюки – это всего лишь блистательное прошлое Востока, и не более того...

– Вот как! – насмешливо отозвался американец. – А скажите-ка мне по секрету, коллега, когда натасканные вами афганские талибы-мамлюки установят удобный вам режим в ущельях Гиндукуша, в какую следующую страну вы направите их умирать под зелеными знаменами ислама?

– Аллах акбар! На все его воля! – усмехнулся Али-хан. – Но не на американские ли доллары вскормлены в Афганистане полчища мамлюков, и разве не ваши инструкторы которых год натаскивают их?

– Недоумков и у нас хватает. Но я не получил ответа на свой вопрос.

– Интересно, не пошлем ли мы афганских мамлюков в Россию? – бросил на него косой взгляд Али-хан. – Иншалла!.. Все, все в руках Аллаха, а смертным не дано знать его помыслы. Кстати, полковник, я же не спрашиваю, куда вы пошлете умирать под вашим полосатым флагом русского пехотного майора, если он когда-нибудь выздоровеет.

– Коллега, мы в ЦРУ не любим, когда суют нос в наши дела, – оборвал его Метлоу и, помолчав, добавил: – Но раз уж вам не терпится поговорить о русских – поговорим о них.

Али-хан пожал плечами:

– Что о них говорить... Аллаху было угодно, чтобы они ушли из Афганистана, – они ушли. Уползли в свои северные леса, как побитые собаки.

– Неужели вы не догадываетесь о сути нашего разговора?

– Нет. А в чем дело?

– В том, коллега, что в мае и июне позапрошлого года наши спутники почти каждый день фиксировали интенсивные радиообмены между ставкой Хекматиара и Лубянкой.

– Я всегда подозревал, что Хекматиар за моей спиной ведет тайные переговоры с русскими, – равнодушно отозвался Али-хан. – Шакалы ничем не лучше гиеновых собак, мистер Метлоу...

– Радиообмен шел на неизвестной нам аппаратуре моментального сброса огромного количества закодированной информации, – бросив на собеседника взгляд, продолжил Метлоу. – Наши парни в Лэнгли с год ломали мозги, расшифровывая беседы парней из КГБ с неким Каракуртом.

– Расшифровали?

– Признаться, было нелегко, но дело стоило потраченных на это долларов.

– Каракурт – псевдоним русского агента?

– И агентурная кличка, и его позывные.

– О чем они беседовали?

– Помимо прочего, о грызне полевых командиров моджахедов, о дислокации и численности их отрядов, о маршрутах караванов с нашими «стингерами», которые потом в пух и прах разносила русская авиация.

– Я помню это, – усмехнулся Али-хан. – Деньги американских налогоплательщиков летели тогда как в бездонную яму.

– Но самое интересное, коллега, – покосился на него Метлоу, – содержится в майских расшифровках восемьдесят восьмого года. Например, второго мая Каракурт сообщил Лубянке

место и день сбора афганского коалиционного правительства. Того самого правительства, которое она ликвидировала до последнего министра девятого мая, ровно за день до его официального появления на политической сцене.

– А полковника ЦРУ Джорджа Метлоу, с таким трудом сколотившего это правительство, крутые парни из КГБ уволокли с собой на цепи, как шелудивого пса, – засмеялся Али-хан. – Примите, сэр, долг за «мерзавца»... – На лице Метлоу заиграли желваки. – Кошмарный провал вашей разведки, полковник, – продолжал веселиться Али-хан. – Но, хвала Аллаху, лично для вас, сэр, все тогда закончилось о'кей. И, как помните, не без моего участия.

– Не без вашего... Но продолжим о русских...

– Послушайте, мистер Метлоу, – бросил на американца косой взгляд Али-хан, – русские уползли к себе, так не пора ли всю информацию, связанную с ними, сдать в архив?

– И информацию о русском пехотном майоре, который помог шелудивому псу из ЦРУ вырваться из лап КГБ, тоже?..

– Иншалла!.. Не обижайтесь на мою шутку, Метлоу, но так будет лучше для всех...

– Лубянка приказала Каракурту немедленно ликвидировать того пехотного майора, но тот не выполнил приказ, – с трудом сдерживая гнев, продолжил Метлоу. – Что вы думаете об этом, коллега?

– Боялся разоблачения или что-то помешало, – равнодушно пожал плечами Али-хан.

– Или Каракурту за жизнь пехотного майора кто-то заплатил больше?

– Кто, в конце концов, этот сын шакала? – вскинул руки к небу Али-хан. – Скажите, я тут же вылечу к Хекматиару и сам выпотрошу из предателя всю информацию.

– Не торопитесь, коллега, – остудил его Метлоу. – Он, по моим сведениям, находится сейчас рядом, в вашем паршивом пыльном городишке.

На виске Али-хана тревожно запульсировала вена.

– Имя сукиного сына? – Он так и впился взглядом в американца.

– Имя сукиного сына – Али-хан. Помнится, такое имя дали вам родители.

– Шутите, сэр, или у меня в самом деле проблема с ушами? – выжал из себя смешок Али-хан.

– Вы не ослышались, – жестко подтвердил Метлоу. – Агент КГБ Каракурт и Али-хан, резидент пакистанской разведки и советник Хекматиара, – одно и то же лицо. Уразумели, почему полчаса назад я назвал вас мерзавцем?

– Остановите машину, – потребовал Али-хан.

Метлоу подогнал машину к берегу реки Бара. Неподалеку остановился открытый джип.

Али-хан сделал несколько шагов к береговой кромке и повернул к американцу искаженное злобой лицо.

– Шизофренический бред! Провокация ЦРУ! – выкрикнул он. – Для такого обвинения требуются доказательства!

– Плохо держите удар, Каракурт, – усмехнулся Метлоу. – А доказательства – извольте: единственным человеком, знавшим, что русский майор – именно пехотный майор, были тогда вы и никто другой.

Али-хан скривил побелевшие губы, и рука его непроизвольно потянулась к карману.

– Оглянитесь, Каракурт. – Метлоу кивнул на джип с морскими пехотинцами, прильнувшими к оптическим прицелам. – Еще одно движение – и мои парни всадят в вашу задницу хороший заряд свинца.

– Непростительная ошибка, что я тогда не пристрелил вас и вашего «пехотного майора»! – отдернув руку от кармана, прошипел тот.

– Разумеется, у Каракурта была возможность пристрелить меня и того майора, – бесцеремонно хлопнул его по плечу американец. – Однако за спасение жизни полковника ЦРУ он

тогда бы не получил солидного вознаграждения и внеочередного звания. Но главное – он никогда бы не вошел в «круг избранных» вашей разведки. Или я ошибаюсь, Каракурт?

– На все воля Аллаха...

– Так вы все еще хотите получить с меня солидную компенсацию за риск? Или оспорить, что вы редкостный мерзавец?

– Проклятые янки, суете нос в дела, которые вас не касаются! – прошипел Али-хан. – В радиоигре с русскими из ставки Хекматиара я выполнял приказы своего правительства. У моей страны есть собственные национальные интересы, и они не всегда совпадают с вашими!

– Что ж, Каракурт, значит, вашему правительству придется объяснить моему госдепу, в чем ваши национальные интересы в Афганистане совпадали с национальными интересами русских...

– Полковник, никто вас в Карачи не услышит... – глотая, как рыба, раскаленный воздух, прохрипел Али-хан. – Зато там сразу услышат, что ЦРУ скрывает на территории Пакистана майора КГБ...

Метлоу хорошо понимал, что в словах Али-хана есть доля правды, поэтому решил сменить тактику.

– Интересно, Каракурт, услышат ли в Карачи, что некоторые пакистанские ядерные секреты выданы вами Лубянке?

– Как вы докажете это? – впился тот в Метлоу затравленным взглядом.

– О, наивный Каракурт! – не удержался от иронии американец. – Этому мне не придется доказывать... В связи со скоростной смертью подозреваемого от инфаркта или в автокатастрофе. Чему у вас в ИСИ отдается предпочтение, а?..

– О, мои несчастные дети! – сжав голову руками, простонал Али-хан. – Ваш бедный отец должен застрелиться!

– Мне вас не будет жаль, – бросил Метлоу. – Не будет, Каракурт, несмотря на то что вы теперь относитесь к «кругу избранных» вашей разведки. Признаться, Лэнгли было нелегко ввести вас в этот круг.

– О Аллах, такой удар и быка собьет с ног!.. Так это с вашей подачи? – дошло до опешившего Али-хана.

– Вы бы предпочли – с подачи Лубянки?

Бледный Али-хан, тяжело дыша, смотрел на Метлоу в полном смятении. Тот протянул ему таблетку со словами:

– Проглотите, Каракурт, а то вас и впрямь инфаркт хватит.

Али-хан со злостью взял таблетку из его руки и прохрипел:

– Вы блефуете, Метлоу, что ввели меня в «круг»!

– Обычный ход разведок при вербовке, – пожал плечами тот.

– Что хочет от меня ЦРУ?

– Несмотря на мое жгучее желание утопить Каракурта в сортире, ЦРУ хочет, чтобы он в ваших «национальных интересах» продолжал работать на русских, разумеется, под нашим контролем. – Али-хан бросил на Метлоу ошалевший взгляд. – Не прикидывайтесь идиотом, Каракурт! Работа на русских даст нам возможность постоянно держать вас, как шелудивого пса, в строгом ошейнике и на коротком поводке. Но это для нас не главное...

– Что наконец вам от меня нужно? – почти простонал Али-хан.

– Глупый вопрос для профессионала, – жестко сказал Метлоу. – Разумеется, информация о ваших национальных интересах. Особенно в части их несовпадения с нашими интересами...

– Конкретнее, полковник?

– Ваши игры с китайцами, например. Но в первую очередь нас интересует то же, что и русских, – информация о ваших успехах в создании ядерного оружия. А также точная и полная информация об иностранных фирмах, задействованных в вашем ядерном проекте.

– Для этого надо возвращаться в правительственных сферах, а я лишь...

– А вы лишь сын разорившегося пенджабского набоба, с детства познавший запах и вкус нищеты. У меня могло бы вызвать сочувствие то, как вы всеми способами оберегаете от нее своих детей, но способы уж очень сомнительны. Продажа всех и вся... перепродажа наркоты и нашего оружия... и даже, как выяснилось, продажа людей в рабство. Напомнить, сколько вы содрали с родного брата за дока Юсуфа?

– У ЦРУ что, досье на меня? – искренне удивился Али-хан. – С каких пор?

– С тех пор как русские накрыли вас с наркотой на их памирской границе. Но, признаться, тогда мы не придали этому факту особого значения, да и неопровержимых доказательств ваших контактов с русскими не было. Вначале досье было заведено по департаменту борьбы с наркомафией, это потом уж открылись и другие ваши пакости...

– В Афганистане многие мои коллеги грели руки на наркотиках, – раздраженно отмахнулся Али-хан. – Стояла задача дестабилизации политической ситуации в мусульманских республиках Советов...

– Согласен: наркотой в Афганистане зарабатывали многие офицеры пакистанской разведки. Но немногие согласились работать на КГБ, – грубо оборвал его Метлоу. – У вонючего паука Каракурта есть лишь два выхода: или он, сохраняя свою жизнь, работает на нас, или...

– Или?..

– Не позднее чем завтра пакистанский премьер-министр получит от нашего госдепа ноту протеста, и на его стол ляжет досье со всеми вашими пакостями. А о зиндане вашей контрразведки вы знаете не понаслышке...

– Вы не даете мне времени подумать, полковник, – обескураженно пробормотал Али-хан.

– Не рассчитывайте на мою сентиментальность, Каракурт.

– Понимаю, у меня нет выхода, но есть маленькое условие...

– Не вам, в полном дерьме, ставить условия.

– Отдайте мне вашего «пехотного майора».

– Вонючий паук хочет за него содрать с русских кругленькую сумму, – повысил голос американец. – Ну и мразь этот Каракурт!

Поняв, что русского майора ему не заполучить, Али-хан решил больше не испытывать судьбу и подавленно проговорил:

– Лубянка, по крайней мере, мне неплохо платила...

– Вам ли не знать, что стоящую информацию все разведки неплохо оплачивают.

– Ответьте, Метлоу, кто будет знать о...

– О том, что вы работаете на нас?

– Да, я это имел в виду.

– Мой шеф в Лэнгли и я.

– Какие гарантии, что...

– Что расшифровки радиосеансов Каракурта с Лубянкой не лягут на стол шефа ИСИ? Единственные гарантии – инициативная работа Каракурта на нас и его паучий инстинкт самосохранения.

– Иншалла!.. Значит, такова воля Аллаха! – вздохнул Али-хан и покосился на американца. – Вы сообщите Хекматиару об агенте КГБ в его ставке?

– Будет лучше, если ему сообщит об этом сам Али-хан и лично найдет Каракурта в его близком окружении, – не удержался от саркастической усмешки тот и добавил: – Причем ссылка на информацию, полученную от ЦРУ, не обязательна...

– Спасибо! – прижал руку к сердцу Али-хан. – Вас будет интересовать тот, кто... кто...

– Кто в ставке Хекматиара окажется Каракуртом? – подсказал Метлоу. – Нет. «Умножая познания, мы умножаем скорбь».

– О Аллах Всемогуший! – провел ладонями по лицу Али-хан. – Вы выиграли и эту партию, полковник.

– Да, Али-хан. А проигравший, как известно, платит...

Али-хан вопросительно посмотрел на него.

– Твоя ИСИ обожает совать нос в наши операции, из-за чего у нас порой возникают проблемы.

– Какие на этот раз?

– Для начала: паспорт, водительские права, визы на имя подданного британской короны, уроженца Пакистана, предположим, Джона Ли Карпендера, законного отпрыска английского колониального чиновника или офицера. Кроме того, все необходимые документы рабу Юсуфу, включая и диплом врача.

Али-хан кивнул и потер друг о друга кончики пухлых пальцев.

– «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись!» – процитировал Метлоу Киплинга и, не скрывая брезгливости, протянул ему конверт с деньгами. – Признаться, я еще не встречал такой патологической алчности, как у вас, коллега!

– Зато документы будут вне подозрений, – не смутился тот.

– О'кей! В интересах Каракурта – чтобы документы были вне подозрений. И не забудьте оплатить Юсуфу все пять лет рабства плюс командировочные и представительские расходы на год вперед.

– Но, сэр, это грабеж! – По лицу Али-хана пошли красные пятна. – Я выложил большие деньги за его выкуп из плена.

– Из вашего досье следует, что за Юсуфа не было выложено ни цента, – остудил его Метлоу. – И еще: Каракурт впредь должен быть целомудреннее жены самого Цезаря. Только при этом условии он может рассчитывать на доходное место в правительственных сферах своей страны...

В глазах Али-хана полыхнули алчные огоньки.

– На все воля Аллаха! – Он торопливо провел ладонями по лицу и вкрадчиво добавил: – В восемьдесят восьмом году я тоже сделал вам одолжение, полковник...

– Помню... За десять тысяч баксов.

– Я не о том... На приказ Лубянки ликвидировать пехотного майора Каракурт тогда сообщил, что тот умер от ран, не приходя в сознание.

– В КГБ работают не идиоты. Они перепроверили это сообщение.

– Шутите?..

– В октябре прошлого года наш резидент в Москве установил, что следствие по делу об измене этого майора Родине советской военной юстицией всего лишь приостановлено, за отсутствием достоверной информации о местонахождении лица.

– Вах, вах, вах! – закатил глаза Али-хан. – Теперь мне понятно участие американского полковника в судьбе русского майора.

– Пришло время и Каракурту принять участие в его судьбе, если, конечно, он не хочет, чтобы его собственной судьбой занялась служба внутренней безопасности ИСИ.

– Иншалла!.. – воздел руки к небу Али-хан. – Не беспокойтесь, сэр... Если Аллаху угодно, чтобы Али-хан служил Америке, он будет служить Америке. Вы будете довольны сотрудничеством со мной в деле продвижения на мусульманский Восток американских идеалов свободы и демократии.

– Иначе и быть не может, в противном случае я просто утоплю вас в сортире, – включая двигатель, пробормотал Метлоу.

– Какой смысл, полковник? – зло засмеялся Али-хан. – Жизнь и так зловонная выгребная яма. Ваши соплеменники в России однажды отважились откачать ее содержимое. И что?

Перекачали в преисподнюю не один миллион жизней, а теперь их социализм дышит на ладан и смердит так же, как ваша хваленая американская демократия.

– Каракурт – философ? Это занятно! – усмехнулся Метлоу. – Почему же он согласился работать на Россию?

– Шакалы ничем не хуже гиеновых собак, мистер Метлоу, – ответил Али-хан и чему-то усмехнулся.

Пешавар – Гонконг, 22 марта 1990 года

Серебристый микроавтобус «Тойота» с красными крестами на дверях выехал из ворот частной клиники доктора Айюб-хана. Охранники, увидев за стеклами одетого в европейский костюм доктора Юсуфа и бледное лицо Сарматова, также облаченного в добротный европейский наряд, махнули им на прощание и наглухо закрыли ворота.

– Так мы и не узнали, Керим-ага, кем был наш гяур! – с сожалением протянул Саид. – И видно, никогда уже не узнаем, вернет ли Аллах ему память или навсегда оставит его человеком без прошлого.

– Аллах акбар! – провел ладонями по бороде степенный Керим-ага. – Конечно, нам нет дела до несчастного гяура, но хотя бы порадуемся, юноша, за доктора Юсуфа, которого Аллах Всемогущий вырвал из рук нечестивых Айюб-хана и его братца Али-хана!

– Да, да, Керим-ага, – качнул тюрбаном Саид, – порадуемся. Ведь доктор Юсуф вылечил глаза моего отца от трахомы и даже не взял за это барана.

– Да не обойдет его Аллах своей милостью! – опять провел ладонями по седой бороде Керим-ага.

Навстречу микроавтобусу бежали узкие улочки Пешавара с их глухими глинобитными дувалами, как и тысячу лет назад скрывающими от чужих глаз гаремы и повседневные тайны правоверных мусульман. На противоположной стороне мутной Бары огромной каменной глыбой над городом нависала древняя крепость Бала-Хиссар, повидавшая под своими стенами многих завоевателей: от персидского Дария, Александра Македонского, орд монголов и хромоногого Тимура до колониальных полков английской короны.

Из-за поворота выплыла пыльная площадь перед мечетью Махабат-хана. К сверкающей свежей краской «Тойоте» потянулись за подаванием руки изможденных босоногих детей, но бдительные полицейские быстро отогнали их дубинками.

– О, мои несчастные соплеменники! – воскликнул доктор Юсуф. – Когда же Аллах Всемогущий обратит на вас свой взор и вы снова вернетесь к родным очагам!

– А где их очаги? – спросил Сарматов.

– В прекрасной стране, которую их предки называли «страной, где обитают феи»! – ответил Юсуф, и в его черных глазах сверкнули слезы. – Но в той стране, которую теперь зовут Афганистаном, более десяти лет все живое пожирает война.

– Говоришь, Афганистаном зовут ту страну? – морща лоб, переспросил Сарматов и огорченно вздохнул: – Нет, Юсуф, не помню я страны с таким названием.

– Я верю, ты когда-нибудь вспомнишь. – Юсуф сжал его руку и жарко зашептал на ухо: – К закату солнца мы будем в Исламабаде, затем несколько часов полета – и мы больше не рабы, сахиб. О Аллах, не дай сердцу глупого Юсуфа разорваться от счастья!

– Что такое раб?

– Это... э... э... человек, помещенный в клетку.

– Я не был в клетке...

– Разве твоя комната в клинике Айюб-хана не была клеткой, сахиб? Разве ты в ней не чувствовал себя птицей с перебитыми крыльями?

Сарматов недоуменно пожал плечами:

– Не понимаю, дорогой Юсуф, о чем ты...

– Придет время, и сахиб все поймет, – загадочно улыбнулся тот.

Поколесив по пыльным улочкам Пешавара, «Тойота» свернула на пустынное загородное шоссе, на котором ее поджидал в открытом армейском джипе Метлоу. Когда Сарматов и Юсуф по его приглашению перебрались в джип, здоровенный негр в форме морского пехо-

тинца армии США погнал машину к селению, прилепившемуся к горному отрогу. Там над низкими глинобитными домами возвышалась мечеть с величественным минаретом.

– Сэр! – заволновался Юсуф. – Куда мы едем?.. Разве сахиб и Юсуф не летят в Гонконг?..

– Мы заедем в мечеть к моему другу мулле Нагматулле и там все решим, – неопределенно ответил Метлоу.

– Что такое мечеть? – спросил Сарматов.

– Дом Аллаха, в котором нельзя лгать, – кинув взгляд на Юсуфа, пояснил Метлоу.

– Лгать нельзя нигде! – еще больше заволновался Юсуф...

Седобородый мулла Нагматулла, ступая по ковру босыми ногами, вынес из бокового придела мечети испещренный затейливой арабской вязью старинный Коран и положил его на низкий столик перед опустившимся на колени Юсуфом.

Кивнув стоящему в стороне американцу, мулла простер над головой Юсуфа руки.

– Аллах акбар! – нараспев произнес он.

– Аллах акбар! – откликнулся Юсуф.

– Раскрываю тебе великую тайну, Юсуф, сын Рахмона, – торжественно сообщил старый мулла. – Этот Коран во времена завоевателя народов Тимура был привезен из Мекки, священного города пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует.

– Да благословит его Аллах и приветствует! – вторил ему Юсуф в величайшем волнении.

– Готов ли ты, Юсуф, как истинно правоверный мусульманин, поклясться на этой священной книге, что не оставишь в беде поручаемого тебе жаждущего исцеления человека?

– Да, да, я готов! – затряс головой тот.

– Что станешь его поводырем на суетном и нечестивом людском торжище до той поры, пока болезнь не покинет его тело и мозг?

– Буду его поводырем...

– Что не предашь этого человека и не воспользуешься его беспомощностью ему во зло, не воспользуешься его деньгами в своих корыстных целях?

– Не предам и не воспользуюсь его деньгами.

– Если Аллаху будет угодно прекратить земной путь его, то ты, Юсуф, как правоверный мусульманин, предашь ли земле его прах?

– Предам земле прах.

– Готов ли ты поклясться в этом на священной книге мусульман?

– Все сказанное тобой, уважаемый Нагматулла, почту за честь исполнить и готов подтвердить это клятвой на священном Коране из Мекки...

– Не спеши с ответом, Юсуф, сын Рахмона, – суровым взглядом смерил Юсуфа мулла. – Неторопливость в принятии ответственных решений свидетельствует о глубине и чистоте помыслов правоверного мусульманина. Помни заветы Востока: «Не спеши подниматься на вершину, пока не оценишь ее крутизну» и «Не торопись утолить жажду из священного источника, сначала очисти от скверны душу». Подумай, Юсуф, сын Рахмона, о тяжести груза, который ты возложишь на свои плечи.

Юсуф перевел взгляд на Метлоу и под его пристальным взглядом решительно положил ладонь на Коран.

– Аллах акбар! – торжественно произнес он. – На священном Коране, привезенном из Мекки во времена Тимура, именем пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует, все сказанное тобой, почтенный мулла Нагматулла, я, Юсуф, сын Рахмона, клянусь исполнить, как подобает истинно правоверному мусульманину, – громко, нараспев произнес он. – И если я нарушу клятву, данную на этой священной книге, пусть меня испепелит гнев Аллаха, пусть ляжет проклятье и позор на весь мой род.

– Аллах акбар! – помедлив несколько секунд, произнес мулла и, бережно взяв Коран, направился к боковому приделу мечети.

– Уважаемый Нагматулла, – остановил его Метлоу, – Юсуф – врач, а у людей этой профессии зачастую сложные отношения с религией. Но теперь у меня, пожалуй, не осталось сомнений в искренности его веры и намерений.

– Будем надеяться, что Аллах Всемогущий не оставит твоего друга без своей защиты и покровительства, – уклончиво ответил мулла.

На обратном пути джип долго кружил по городу. Сжавшись в комок на заднем сиденье, Юсуф сосредоточенно молчал. Когда автомобиль подъезжал к базарной площади, с мечети Махабат-хана донесся усиленный динамиками голос муэдзина, призывающего правоверных к очередному намазу. Юсуф, опомнившийся от своих дум, достал из саквояжа коврик и попросил водителя остановиться. Тот по кивку Метлоу выполнил его просьбу. Юсуф бросил в придорожную пыль коврик и, сев лицом к востоку, погрузился в молитву.

Расстилающаяся внизу базарная площадь была сплошь покрыта стоящими на коленях бедно одетыми людьми. Согбенные спины, спины, спины...

– Фу-у, дикари! – выплюнув жвачку, фыркнул водитель. – Верят, что до их Аллаха молитвы доходят лучше, чем до христианского Бога.

– Бог един, – оборвал его Метлоу. – А что до дикарей, высокомерный сын Алабамы, то их культура на несколько тысячелетий старше твоей, американской.

– Оно и видно! – ухмыльнулся водитель. – По мне пляшущие масаи из африканских саванн или эскимосы Гренландии лучше, чем эти мусульманские святоши. Никогда не поймешь, что у них под чердаком. Улыбаются, сволочи, в лицо, а за пазухой всегда кривой кинжал держат.

Метлоу дождался конца намаза и, когда Юсуф убрал в саквояж коврик, протянул ему кипу бумаг.

– Документы, док! – сказал он. – Паспорта: на тебя и на Джона Ли Карпентера – англичанина, сына офицера английских колониальных войск, родившегося в Пакистане... Вот чек на сто пятьдесят тысяч американских долларов, счет – в китайском банке «Белый лотос» в Гонконге... Живите скромно, так как неизвестно, каковы будут расходы на лечение Джона...

– Понимаю, сэр! – с готовностью откликнулся Юсуф. – Я буду искать работу.

– Не сомневаюсь. – Метлоу протянул ему визитку с золотым тиснением: – Мои телефоны в Пешаваре и Оклахоме. Ставь меня в известность о состоянии больного, чтобы я мог вовремя прийти вам на помощь... Остальное, док, будем решать по результатам лечения... И еще: не советую тебе возвращаться назад в рабство к Айюб-хану. Мир огромен и прекрасен: найдется в нем место для тебя и для Джона, а он стоящий парень, поверь мне, док!..

– Юсуф верит, сэр! – прижал руку к груди Юсуф. – Спасибо, сэр, за свободу и крылья!..

– Крылья?..

– Те, что жизнь мне сломала и которые, милостью Аллаха, теперь непременно срastутся, сэр!..

Впереди показалась стоящая у дороги серебристая «Тойота» с красным крестом на двери.

– Удачи, док! – хлопнул Юсуфа по плечу Метлоу, когда джип остановился рядом с ней.

Юсуф торопливой ящерицей, будто боясь, что его остановят, выскользнул из автомобиля и, прижав ладони к груди, поклонился американцу.

– Да не оставит тебя Аллах без своей милости и защиты, великодушный мистер Метлоу! Сарматова Метлоу задержал в джипе.

– Запомни, Сармат, тебя зовут теперь Джон Ли Карпентер.

– Запомнил, – без особого энтузиазма кивнул тот. – Джон так Джон... Какая мне разница, я же совсем не помню человека по имени Сармат.

– О том, что ты Сармат, никто не должен знать.

– Значит, никто не будет знать.

– Запомни главное: ты англичанин, родившийся в Пакистане. Твой отец – офицер английской колониальной армии, погиб в джунглях, охотясь на бенгальских тигров.

– Бенгальские тигры?

– Это такие полосатые дикие кошки. Большие и очень красивые. Когда их настигают пули охотников, они уползают в джунгли и там в полном одиночестве молча умирают. Смертным криком кричат лишь их глаза, Джон.

– Обещаю: когда мне будет плохо, я не буду кричать.

– Да хранит тебя наш казачий заступник Георгий Победоносец! – вырвалось у Метлоу.

– Попроси его вернуть мне память.

– Непременно попрошу и верю, что он поможет тебе. А теперь в добрый путь, старина!

Сжав в последний раз вялую, безжизненную руку Сарматова, полковник дождался, когда тот вышел из машины, и решительно захлопнул дверцу.

«Странные все же кульбиты выделяет жизнь, – глядя вслед «Тойоте», подумал он. – Не так давно с майором КГБ Сарматовым мы были смертельными врагами, а сегодня я, полковник ЦРУ Соединенных Штатов, молю бога о его спасении. Старею, видно, теряю осторожность и беспощадность волка, которых требует моя профессия. А может, это моя русская кровь проделывает со мной такую непонятную штуку?.. Но как бы там ни было, мне хочется, чтобы этому парню повезло в Гонконге. Так ли уж важно, в чьих окопах он будет потом. Да и проклятая «холодная война», слава богу, кажется, заканчивается».

Летит под колеса дорога. Будто жалуясь на что-то, водитель гнусавым голосом тянет восточную песню, покачивая пестрым тюрбаном в такт однообразной тягучей мелодии. По обе стороны шоссе проплывают редкие селения с непременными узкими улочками, со скрытыми за дувалами дворами и устремленными ввысь острыми стрелами минаретов. С грохотом проносятся мимо встречные, исписанные арабской вязью грузовики, мелькают легковые «Форды» и «Тойоты». С презрительным безразличием ко всему шествуют тяжело груженные верблюды, семят ушастые ослики.

Кидая частые взгляды на бледное лицо дремлющего Сарматова, доктор Юсуф озабоченно хмурит сросшиеся на переносице брови. Проверяет пульс на его безвольной руке, цокает языком и горестно качает головой.

Летит под колеса дорога.

А высоко-высоко, в выбеленном солнцем азиатском поднебесье, черными крестами кружат грифы...

На закате «Тойота» подкатила к автостоянке перед современным зданием аэропорта Исламабада. Сидящий в «Мерседесе» с затененными окнами Али-хан, увидев машину, что-то крикнул трем мужчинам в европейских костюмах, прохаживающимся неподалеку.

И те, когда доктор Юсуф и Сарматов сквозь толпу пассажиров направились к стеклянной коробке аэровокзала, последовали за ними на некотором расстоянии. Встречные удивленно оглядывались на высоченного европейца с изуродованным шрамами лицом и маленького азиата, бережно поддерживающего его под локоть.

Внезапно с закатного неба обрушился грохот и из-за стеклянной коробки вырвались два истребителя «Ф-16».

– Мордой в землю, славяне! – по-русски заорал высокий европеец и, сбив с ног, вжал азиата лицом в асфальт.

От его крика пассажиры шарахнулись в стороны. К распростертым на асфальте бросились несколько полицейских, но на пути у них встали трое мужчин в европейских костюмах. Они показали полицейским какие-то документы. Те с недовольным видом повернули назад.

– Тебе хочется попасть в пакистанскую тюрьму? – шипел на Сарматова Юсуф, увлекая его в здание аэровокзала. – Скорее, скорее с глаз нечестивых фараонов!

Скорее тот не мог. Часто дыша, как выброшенная на берег рыба, он еле передвигал непослушные ноги.

Офицер-пограничник внимательно перелистал их паспорта. Видимо, его что-то смущало в Сарматове, и он долго вглядывался в его заросшее бородой лицо. Но не найдя, к чему придраться, офицер нехотя поставил в паспорте штамп пограничного контроля:

– Приятного полета, мистер Карпентер! Приятного полета, господин... э... э... Рахмон ибн Юсуф!

– Юсуф ибн Рахмон, – поправил его тот.

– Очень хорошо, что вы помните свое имя, – ухмыльнулся офицер.

Через полчаса «Боинг-747» оторвался от взлетной полосы и круто ушел в тревожные всполохи закатного неба.

Один из троих мужчин, не дожидаясь, когда самолет скроется за красными закатными облаками, поднес к губам портативную рацию.

– Все прошло без осложнений, брат. Наши друзья уже в небе.

– Благодарю, брат! – откликнулся из «Мерседеса» Али-хан. – Когда мне снова понадобится ваша помощь, я найду вас, а пока живите в своих семьях и строго исполняйте предписания Корана.

– Располагайте нами в любое время, брат, – донеслось из радиации. – Да свершится то, что должно свершиться!..

– Да свершится то, что должно свершиться! – откликнулся Али-хан и набрал номер на телефоне мобильной связи. – Караван с гуманитарным грузом ушел безопасной тропой, сэр, – почтительно произнес он по-английски. – Груз и сопровождающие его документы, хвала Всемогущему Аллаху, в полном порядке. Примите уверения в моем искреннем почтении... Всегда к вашим услугам, сэр!

Все время полета от Исламабада до Гонконга Сарматов спал. Перед посадкой Юсуф растолкал его и, не скрывая радости, кивнул на иллюминатор.

– Гонконг. Островок нечестивой британской короны в безбрежном китайском море. Мы наконец на свободе! – Сарматов принял это сообщение с полным равнодушием, а Юсуф напористо продолжал шептать ему на ухо: – Запомни, русских одинаково не любят в Европе и в Азии. Ты – англичанин. Понял?.. Иначе нам не избежать большой беды.

– Я все понял, Юсуф, но какая беда нам может угрожать, если мы никому не сделали ничего плохого?

– Ты же знаешь, что мы с тобой не те, за кого себя выдаем, а глаза и уши есть и у стен. Об этом никогда не забывай, Джон.

Сарматов в ответ только пожал плечами.

Гонконгский рассвет встретил их тяжелой влажной жарой. Одежда моментально стала мокрой, а по лицам заструился ручьями пот.

Через несколько минут Сарматову показалось, будто его голову стиснули сыромятными ремнями. Он, вероятно, грохнулся бы на мокрый бетон, если бы Юсуф вовремя не подхватил его. У таможенной стойки офицер-китаец с будто приклеенной к лицу улыбкой перелистал их документы, хотел было что-то спросить у Сарматова, но, увидев его состояние, проштамповал без единого слова паспорта и показал рукой на выход.

Через кишачий людской муравейник Юсуф и Сарматов кое-как добрались до выхода из здания аэропорта. В припаркованной поодаль машине, увидев их, напряглись четверо арабов.

– Он? – спросил средних лет араб в бурнuse с надвинутым на глаза капюшоном.

– Да, это брат Юсуф, – оскалив в хищной улыбке крепкие зубы, ответил его молодой сосед.

– Хвала божественной Кали – наконец-то тигр вырвался из капкана! – засмеялся араб в бурнuse и распахнул дверцу машины.

– Не торопись, брат Иса! – остановил его пожилой араб и показал на двух китайцев. – Пусть меня покарает Черная Кали, но у них на хвосте легавые из Королевской полиции!

– Прикажи, брат, и мы без труда переселим косоглазых в ад, – сверкнул глазами тот. – Да свершится то, что должно свершиться!..

– При первых каплях дождя лучше укрыться в пещере, брат Иса, чтобы выйти из нее сухим, когда дождь пройдет, – охладила его пыл араб в бурнусе. – Разумно ли из-за одного тигра наводить охотников на всю стаю?

Юсуф крутил во все стороны головой, но убедившись, что их никто не встречает, замахал руками. Разбрызгивая лужи, подкатила машина с надписью «такси». Он втиснул Сарматова на заднее сиденье и сказал водителю-китайцу по-английски:

– В какой-нибудь недорогой отель.

Тот покосился на двух китайцев, которые с невозмутимыми физиономиями направлялись к припаркованной неподалеку машине, и бесстрастно кивнул.

В зеркале заднего обзора, сменяя друг друга, постоянно маячили две машины – одна с двумя китайцами, вторая с четырьмя арабами. На одном из поворотов машина с арабами попыталась прижать такси к обочине, но водитель, резко затормозив, избежал ловушки и тут же кому-то сообщил по рации о преследователях. Когда через несколько минут на трассе показалась полицейская машина, автомобиль с арабами свернул в ближайший переулок. Вторая машина, с китайцами, как привязанная следовала за такси, что явно выводило Юсуфа из себя.

Через час блуждания по рассветным улицам такси затормозило перед двухэтажным домом в викторианском стиле. Метрах в пятидесяти от него остановилась и машина с китайцами.

– Отель «Приют флибустьера», – сказал водитель и, получив плату, помог Юсуфу довести еле живого Сарматова до подъезда.

В крошечном номере отеля Игорь сразу погрузился в глубокий и черный, как ночь, и засасывающий, как омут, сон. И на него снова навалились бессвязные обрывки каких-то воспоминаний: взрывы в горящих джунглях, нестерпимо яркое солнце, качающиеся горы, извергающие огонь вертолеты. Наконец все это опять заслонило красивое лицо молодой женщины с распущенными по плечам белокурыми волосами и глазами, полными слез.

– Что бы ни случилось, Сармат, помни – мы с тобой одной крови. Помни об этом, помни! – шептали ее губы.

Юсуф внимательно вслушивался в бессвязную речь своего подопечного, и, когда бред и судорожные метания больного усилились, он достал из саквояжа шприц и сделал ему инъекцию в набухшую на руке вену. Скоро его дыхание стало глубоким и ровным. Бред отступил.

Гонконг, 26 марта 1990 года

Несколько дней после приезда в Гонконг Сарматов провел в постели из-за чудовищных болей в затылке и слабости, сковывающей все тело. Находясь в полубморочном состоянии, он не замечал ни частых исчезновений из номера Юсуфа, ни того, что у вернувшегося откуда-то доктора по несколько раз на дню подозрительно менялось настроение – от состояния беспроесветного уныния до бурной радости. Однако через неделю Сарматову стало несколько легче. Он уже мог самостоятельно передвигаться по номеру и даже пытался делать по утрам гимнастику. Еще через неделю он настолько окреп, что настоял на прогулке по городу.

В холле отеля «Приют флибустьера», принимая ключи от номера, пожилая китайка-портье настойчиво рекомендовала им быть на улицах города внимательными, не вступать в разговоры с незнакомыми людьми, особенно с арабами и фараонами.

– Чем вам так не нравятся арабы? – завелся Юсуф.

– Нравятся, господин, – потупилась китайка. – Но, к сожалению, среди них часто встречаются отпетые мошенники.

– Старая карга! – проворчал Юсуф. – Впрочем, она не так уж и не права...

Как только постояльцы скрылись за дверью, китайка торопливо набрала телефонный номер:

– Мистер Корвилл, интересующие вас англичанин и магометанин только что покинули отель. Кажется, они хотят совершить прогулку в сторону порта.

Они действительно направились в сторону порта. Сразу же у порога отеля их подхватила разноязыкая уличная толпа Гонконга, по-китайски Сянгана, этого полубоевропейского, полуазиатского города на берегу теплого Южно-Китайского моря, бывшего на протяжении нескольких веков прибежищем пиратов, авантюристов и прочего разномастного сброда из Старого и Нового Света.

Суперсовременные небоскребы-космополиты из стекла и бетона, облепленные рекламой крупнейших мировых фирм и банков, причудливо соседствуют здесь с готическими соборами. Изысканные здания позднего французского барокко красуются рядом с массивными домами-крепостями колониальной Викторианской эпохи. Легкие дворцы мавританского типа конкурируют с вычурными особняками в стиле модерн. В эту архитектурную эклектику Европы, будто драгоценные жемчужины, вкраплены загадочные строения в стиле традиционной китайской архитектуры. И все это каким-то чудом гармонично уживается в едином пространстве удивительного города.

По его залитым жарким солнцем улицам и тенистым переулкам торжественно текут потоки шикарных автомобилей, среди которых – усердно крутящие педали велосипедов китайцы в белоснежных рубашках. Как и сто лет назад, бронзовые от загара рикши катят свои коляски, на которых восседают валяжные господа, в основном пожилые европейцы. Все это кипящее движение мастерски управляется английскими и китайскими полицейскими (в своей важной невозмутимости и в самом деле похожими на фараонов, как их назвала китайка-портье из отеля «Приют флибустьера»).

Доктор Юсуф между тем настойчиво тянул оглушенного уличным столпотворением Сарматова за собой. Оба даже не заметили двух китайцев в кепках-бейсболках, маячивших за их спинами. Впрочем, выделить из толпы этих ничем не примечательных парней было невозможно, к тому же и Юсуфу, и Сарматову все китайцы пока казались на одно лицо.

Скоро они вышли к набережной, с которой открывалась изумительная панорама порта с белоснежными океанскими лайнерами на рейде и островками в проливе, будто слегка размытыми голубой дымкой.

– Джон, ты до этого видел море? – спросил Юсуф.

– Если я не удивился, значит, уже видел, – рассудительно ответил тот. – Попробую вспомнить, когда и где я его мог видеть.

Но попытка что-либо вспомнить и теперь ничего ему не дала, кроме очередного приступа мучительной головной боли.

Полюбовавшись на океанские корабли и надышавшись свежим бризом, Юсуф потянул Сарматова в узкий проход между рекламными щитами, за которыми им открылось заполненное сизым дымом, гомонящее на всех наречиях торжище рынка. У прилавков с грудями диковинных даров моря, у лавчонок с ювелирными украшениями, с поделками из слоновой кости и предметами буддийского культа и бог еще знает с чем толклись увешанные фотоаппаратами и видеокамерами туристы – европейцы, китайцы, японцы, индийцы, малайцы, негры... Толстые китайки тут же варили на очагах янтарный рис, фасоль, кукурузу, в закопченных котлах жарились креветки, лангусты и какая-то коричневая масса из червей и экзотических насекомых.

Стоило им остановиться у одного из котлов, как продавец-китаец сунул в руку Сарматова пакет с необыкновенным кушаньем и тот без долгих раздумий принялся с аппетитом его поглощать.

– Попробуй, док, вкусно! – поймав испуганный взгляд Юсуфа, сказал Сарматов, протягивая ему пакет.

Но тот, зажав ладонью рот, опрометью бросился за лавчонку...

Через некоторое время он вернулся, расплатился и решительно потянул Сарматова прочь с рынка в сторону тесно прижавшихся друг к другу павильонов в китайском стиле. Далеко они не ушли, у первого же павильончика на Сарматове буквально повисли две сильно накрашенные, вызывающе ярко одетые китайки.

– Что им надо, док? – растерялся Игорь.

Юсуф разразился бранью и стал пинками гнать жриц любви прочь. Обиженные девицы с пронзительным визгом бросились к павильону, из двери которого тут же выскочили несколько молодых китайцев. Выкрикивая угрозы, они попытались сбить Юсуфа с ног, но доктор с поразительным для его щуплого телосложения мастерством отразил все их удары. Получив отпор, рассвирепевшие не на шутку молодчики бросились к сильно озадаченному таким оборотом Сарматову. Откуда-то сбоку выскочила еще одна группа галдящих китайцев, вооруженных бамбуковыми палками и велосипедными цепями. Часть из них окружила Юсуфа, другие взяли в плотное кольцо Сарматова. Тот явно не понимал, что хотят от них эти маленькие свирепые люди.

Из-за рекламного щита на противоположной стороне улицы за происходящим с интересом наблюдали двое китайцев в бейсболках.

– Может, вмешаемся? – предложил один из них. – Как бы парни из триады не изуродовали наших подопечных.

– Зачем? – усмехнулся другой. – Нам с тобой платят за службу в полиции, а эти парни зарабатывают на жизнь, охраняя проституток.

Юсуф между тем сражался как лев. От его молниеносных выпадов два китайца уже корчились на асфальте. Но силы были неравны, в конце концов одному из китайцев удалось нанести удар увесистой бамбуковой палкой по тюрбану Юсуфа, и тот как подкошенный рухнул на асфальт.

При виде поверженного Юсуфа в душе Сарматова словно сжатая пружина распрямилась. На его теле моментально взбугрились мышцы, брови сошлись в одну гневную линию. В несколько прыжков он оказался в гуще китайцев. Трое из них сразу легли снопами на асфальт. Один, пролетев по воздуху несколько метров, ткнулся головой в фонарный столб. Остальные, увидев обезображенное шрамами яростное лицо рослого европейца, в страхе попятились назад. Однако их главарь признавать поражения не захотел и выхватил нож. Его лезвие просвистело у самого уха уклонившегося Сарматова и вонзилось в предплечье одного из китайцев.

Сарматов настиг главаря и, подняв его над головой, с яростью бросил на асфальт. Ошеломленные чудовищной силой европейца, китайцы в панике ретировались, оставив лежать на земле поверженного вожака.

– Бьюсь об заклад, что этот английский дылда об искусстве рукопашного боя знает не понаслышке, – изумился такому обороту дела один из китайцев в бейсболке. – Не хотел бы я оказаться против него на татами...

– Я тоже, – протянул второй. – Но не думаю, что триада просто так смиритесь со своим позорным поражением.

– Посмотрим...

Оставшись один на поле брани, Сарматов подошел к стонущему Юсуфу и, вытерев на его лице кровь, спросил:

– Док, что мы сделали плохого этим маленьким злым людям?

– Мы отвергли их продажных блудниц. Те китайские женщины – источник скверны и разврата! – прохрипел тот. – Как же я не заметил красных фонарей у дверей их домов, как не заметил?.. Мы должны обходить стороной все дома с красными фонарями. Запомни это!

Сарматов помог Юсуфу подняться на ноги. Они продолжили путь, но не успели пройти и десяти метров, как раздался нарастающий вой сирен. Три полицейских джипа на полной скорости вывернули из переулка и остановились рядом с ними.

– Кто эти люди? – встревожился Сарматов, когда из джипов как горох посыпались перетянутые белыми портупеями китайцы.

– Фараоны, – лязгая зубами, ответил Юсуф. – Они сейчас заберут нас в тюрьму.

– Что такое «в тюрьму»?

– Это... э... э... такая железная клетка.

– Я не хочу в клетку...

– Мы обязаны им подчиниться, иначе нас просто пристрелят.

Полицейские, не мешкая, защелкнули на руках Сарматова и Юсуфа металлические браслеты и грубо затолкали их в джипы.

– Все ясно, здесь парни из триады давно снюхались с полицией, – глядя вслед джипам, зло протянул китаец в бейсболке. – Я думаю, нашему шефу будет интересно узнать про это...

– Тебе-то какое дело, кто с кем снюхался! – раздраженно оборвал его напарник. – Нам было приказано установить контакты клиентов, а дела триады нас не касаются.

– Так не пойдет, сержант Сюй, – взялся за рацию первый китаец. – Ты, видно, забыл, что шеф приказал немедленно и напрямую докладывать ему о всех подозрительных контактах клиентов. Кроме того, сержант Сюй, я хочу содержать свою семью на сянганские доллары, честно заработанные в королевской полиции.

В полиции офицер-китаец внес фамилии Юсуфа и Сарматова в компьютер и торжественно, будто о монаршей милости, объявил по-английски:

– Гражданин Пакистана Юсуф ибн Рахмон за дебош в общественном месте подлежит штрафу в пять тысяч английских фунтов.

– Разве в Гонконге наказание определяют полицейские, а не судьи? – вырвалось у Юсуфа.

– Гони деньги, мусульманская собака, и не гавкай, иначе никогда не увидишь своего грязного Пакистана! – прошипел офицер.

– В-в-вы н-н-не с-с-сме-ете! – побледнел Юсуф. – Я б-бежал из-з-з р-р-раб-бс-ства в с-с-свободную с-стр-рану!.. Я т-требую ад-д-двоката!..

– Это ваши проблемы, мистер Юсуф ибн Рахмон! – ощерился офицер и повернулся к Сарматову: – Мистер Джон Ли Карпентер, подданный ее величества королевы Англии, за дебош в общественном месте и причинение тяжких телесных повреждений пяти полицейским при исполнении ими служебных обязанностей подлежит штрафу в пять тысяч английских фун-

тов и заключению в тюрьму сроком на полгода. Благодарите судьбу, мистер Карпентер, если бы вы не были подданным ее величества королевы Англии, наказание могло быть более суровым.

– Кто такая королева Англии? – спросил Сарматов. Офицер поднял брови и pokrutil пальцем у виска. – Почему вы не хотите мне ответить? – гневно шагнул к нему Сарматов.

Тот в страхе попятился, а заполнившие комнату полицейские с остервенением обрушили на Сарматова и Юсуфа резиновые дубинки.

– Вы не смеете этого делать, кяфыры! – вырываясь из рук полицейских, отчаянно орал Юсуф. – Мистер Карпентер болен!.. Я буду жаловаться английскому губернатору!..

– Жалуйся, бешеный пакистанский пес! – ощерился офицер и ударил его в пах носком ботинка.

Юсуф как подкошенный рухнул на пол. И опять будто пружина сорвалась внутри Сарматова. Зарывав, словно разъяренный зверь, он разорвал наручники и бросился к закатившему глаза Юсуфу. Офицер выхватил пистолет, но Сарматов ногой выбил оружие из его руки и в несколько секунд разметал повисших на нем полицейских.

– Что за шум? – гаркнул стремительно появившийся в распахнутой двери рослый офицер-англичанин с орденой колодкой на щегольском мундире. Увидев разбросанных по углам комнаты стонущих китайцев, он присвистнул и бросил появившемуся за его плечами здоровенному рыжему детине: – Сержант Бейли, кажется, мы появились как раз вовремя.

Тот положил тяжелую, в рыжих веснушках лапищу на плечо Сарматова.

– Неплохо ты их отделал, парень. Совсем, можно сказать, неплохо, но, думаю, это удовольствие тебе обойдется года в три тюрьги!..

– Что такое тюрьга, кто-нибудь мне ответит наконец? – сбросил его руку Сарматов. – Почему мне все время ею угрожают?

– Ха-ха-ха!.. У тебя все дома, парень?..

– Сахиб, у мистера Карпентера в самом деле не все дома! – отдышавшись, произнес Юсуф.

– Что вы натворили? – строго спросил офицер-англичанин. – Надеюсь, не ограбили какой-нибудь гонконгский банк?

– Клянусь, мы не сделали ничего плохого, сахиб! – вскинул руки Юсуф. – Мы не захотели иметь дела с блудницами из домов с красными фонарями, только и всего.

– Будьте любезны рассказать о себе подробнее.

– Я доктор Юсуф, гражданин Афганистана. Меня захватили в плен и сделали в Пакистане рабом, сахиб. Клянусь Аллахом Всевидящим и Милосердным, я бежал из рабства!

– Почему в Гонконг?

– Я должен помочь мистеру Карпентеру определиться на лечение к практикующему здесь профессору Осире.

– Так ты англичанин, парень? – спросил рыжий сержант Сарматова. – Откуда родом?..

– Меня зовут Джон Карпентер. Я англичанин, родившийся в Пакистане. Мой отец был офицером английской колониальной армии. Он погиб, охотясь на бенгальских тигров, – заученно ответил Сарматов.

– Мой отец тоже был офицером английской колониальной армии! Его звали Эдуард Корвилл, а я, стало быть, Ричард Корвилл, комиссар королевской полиции Гонконга. – Дружески хлопнув его по плечу, офицер поинтересовался: – Кстати, а что за проблемы с вашим чердаком?..

– Мистер Карпентер воевал с русскими в Афганистане и получил контузию головы во время налета их авиации, – коверкая от волнения английские слова, торопливо пояснил Юсуф. – Он полностью потерял память и не может отвечать за свои поступки, да продлит Аллах его дни, уважаемый сахиб!

– Так вы прилетели в Гонконг, чтобы мистер Карпентер, воевавший с комми в Афганистане, смог пройти курс лечения у известного профессора Осириса, я правильно понял твой дрянной английский? – переспросил комиссар.

– Больше мистеру Карпентеру не на кого надеяться, сахиб. Тяжелая форма ретроградной амнезии...

Полицейские-китайцы со страхом и любопытством уставились на Сарматова.

– Ты сказал про это косоглазым? – кивнул на них Бейли.

– Сказал. Кроме того, в отобранных у нас документах есть история болезни мистера Карпентера. – Юсуф с трудом сглотнул комок в горле. – Но прочитав ее, нечестивые кляфыры почему-то долго смеялись, а потом стали бить мистера Карпентера дубинками по голове.

Полицейский комиссар смерил съездившегося офицера-китайца тяжелым взглядом и кивнул рыжему сержанту. Тот всей своей огромной тушей наклонился над офицером и прорычал, наливаясь яростью:

– Значит, ты, расфуфыренная обезьяна, приказал своим косоглазым ублюдкам избить больного англичанина, или я что-то не так понял? Ну, давай, Чен, вынимай язык из задницы!

– Но, мистер Бейли, они приставали к китайкам. – Чен ткнул пальцем в Сарматова. – А этот горилла переломал ребра вступившимся за их честь пятерым юношам-китайцам!

– Где это произошло? – Рыжий Бейли повернулся к Юсуфу.

– Там, где у каждого дома висят красные фонари, – пролепетал тот.

– Ха-ха-ха! – вдруг зашелся в хохоте комиссар Корвилл. – Это для меня что-то новое, мистер Чен.

– Что вы имеете в виду, сэр?

– Защиту чести гонконгских проституток...

– Для полиции не имеет значения род занятий подданных ее королевского...

– Сукин сын! – взорвался Корвилл. – Я лично позабочусь, чтобы ты сам сменил род занятий!

– Я действовал по инструкции....

– Да хоть бы мистер Карпентер переломал ребра всем проституткам Гонконга и их сутенерам из триады, ты, косоглазая обезьяна, пальцем не можешь дотронуться до подданных ее величества! – прорычал рыжий Бейли и вжал офицера в кресло. – Запомни, ублюдок, через семь лет, когда мы уйдем отсюда, будут ваши порядки, а пока они наши – колониальные...

– Я подам жалобу в Управление королевской колониальной полиции на ваши действия! – взвизгнул китаец.

– Сидеть, коли обделался, мерзавец! – рявкнул сержант, когда возмущенный Чен попытался освободиться от его лапищи.

– А ну-ка и вы, господа, потрудитесь объяснить, как все произошло? – официальным тоном обратился комиссар Корвилл к струхнувшим полицейским.

Но те лишь тарасили глаза, демонстрируя, что не понимают вопроса. Бейли снова обратился к Юсуфу:

– Придется тебе, парень, объяснить, что к чему.

– У дома с красным фонарем к нам привязались две нечестивые китайские женщины, – заторопился Юсуф. – Согласно закону моей религии я отказался от их услуг, но из дома выбежали злые молодые люди и стали драться... Потом приехали эти кляфыры и...

– Вас вызвали сутенеры из бардака, не так ли? – Рыжий Бейли грозно завис над молодым китайцем полицейским. – Ты тоже намерен держать язык в заднице, маленький Чжан?

– Нет, сэр, – смешался тот под его грозным взглядом.

– Сколько они вам заплатили?

– Они платят господину Чену в конце каждой недели, – пролепетал Чжан и по-собачьи заглянул рыжему Бейли в глаза. – Пожалуйста, сэр, не увольняйте меня со службы. На моих

руках два младших брата. Они не смогут окончить колледж, если у меня не будет работы, мистер Бейли!

– Пожалуй, из этого гадюшника я тебя заберу в свою группу, Чжан, ты всегда казался мне толковым малым.

– Вы очень добры, сэр! – Раскосые глаза молодого полицейского сверкнули радостью.

– Мистер Чен, вам что, неизвестно, что королевская полиция не находится на содержании у китайской триады, контролирующей бордели Гонконга? – поинтересовался Корвилл у красного как рак офицера.

– Известно, сэр, – ответил тот.

– Сомневаюсь, мистер Чен. Я не только вынужден поставить вопрос о вашем соответствии занимаемой должности, но и непременно начну служебное расследование о ваших связях с преступным сообществом Гонконга.

– Как вы это докажете? – озлобился Чен.

– Легкомысленное заявление, – усмехнулся Корвилл. – Вы совершили слишком серьезные проступки, мистер Чен, чтобы они остались без последствий.

– Что такое проступки? – спросил Сарматов.

– Это когда косоглазые и черномазые много себе позволяют, – вполголоса проворчал рыжий Бейли.

– Кстати, вы до сих пор не принесли извинения и не вернули им документы, – напомнил Чену комиссар Корвилл. – А заодно, мистер Чен, сейчас же, при мне, уберите из компьютера их данные как полученные незаконным путем.

– Разрешите это сделать мне? – вызвался маленький Чжан и, получив разрешение Корвилла, стер с монитора данные на Юсуфа и Сарматова, за что удостоился презрительного взгляда Чена.

– Уважаемые господа, произошло досадное недоразумение. – Через силу улыбаясь, Чен протянул Юсуфу документы. – От имени королевской полиции Гонконга приношу вам извинения. Вы свободны, господа!

– О Всемогущий Аллах, ты услышал просьбу своего недостойного раба! – воскликнул Юсуф и припал губами к веснушчатой руке смутившегося Бейли.

– Слышал, ты свободен, парень! – подтолкнул тот Сарматова к выходу. – Да помогут тебе господь и старый японец Осира навести порядок на своем чердаке!

– Я надеюсь на них, сэр.

– У меня есть приятель Майкл Харви, американец, больше известный под прозвищем Крутой Крек, – задумчиво произнес комиссар Корвилл. – Так вот, под Данангом осколок вьетконговской мины здорово разворотил ему голову и вчистую отшиб память... Семь лет старина Майк был полным идиотом, но старый японец Осира снова сделал из него Крутого Крека...

– Сэр, вы хотите сказать, что память вернулась к вашему другу? – вскинулся Юсуф.

– И память ожила, и то, что между ног болтается! – захохотал рыжий Бейли. – С тех пор старина Майк, не пожелавший покинуть Гонконг, трахает смазливых китайнок по сотне в месяц.

– Что такое трахает?

– Да ты, смотрю, совсем плох, парень! – согнал с лица улыбку сержант Бейли.

– В знак братства тех, кто нюхал порох в боях с коммунистами, я как-нибудь навещу вас, Джон, – пожимая руку Сарматова, сказал на прощание комиссар Корвилл и склонился к его уху: – К тому же меня просили по возможности помогать вам с проблемами...

– Кто просил?

– Наш общий друг Джордж Метлоу.

– Вы знакомы с Джорджем? – обрадовался Сарматов.

– Еще со времен войны с Вьетконгом. Джордж был командиром роты болотных командос и, уверяю тебя, хорошим парнем. Ну а у меня там тоже были кое-какие дела... Однако сегодня вам здорово повезло, что мы успели вовремя.

– Но как вы узнали, что мы попали в лапы к кяфырам? – удивился Юсуф.

– Моя профессия, доктор Юсуф, своевременно узнавать обо всем, – усмехнулся Корвилл и повернулся к Сарматову: – Кстати, Джон, по просьбе Метлоу я уже связался с профессором Осирой. Он готов познакомиться с вами уже сегодня.

У доктора Юсуфа от удивления открылся рот.

– Старик Осира практикует за городом, в синтоистском монастыре, – подал голос сержант Бейли. – Чтобы вы снова не влипли в какую-нибудь историю, парни, рыжий Бейли – надеюсь, вы не против – прямо сейчас подбросит вас туда...

Покружив по крутым пригородным автострадам, полицейский «Форд» остановился перед металлическим забором, за которым среди цветущего сада проглядывали несколько строений в старом японском стиле, окруженных резными деревянными колоудтоннами, поддерживающими вздернутые углы темных черепичных крыш. От созерцания монастыря, будто сошедшего с картины средневекового японского художника, Сарматова оторвал рокошующий бас:

– Мистер Карпентер, сержант Патрик Бейли, по прозвищу Бешеный Патрик, будет рад когда-нибудь увидеть тебя в полном здравии. А если у тебя возникнут проблемы, спроси обо мне или о мистере Корвилле в любом китайском борделе или портовом притоне, и там всегда подскажут, где нас найти.

– Что такое притон?

– Это то место, где тусуются наркоманы, карточные шулера, проститутки, гомики, убийцы, воры и прочая пакость, мистер Карпентер.

– Я не помню, что означают эти слова, но, наверное, что-то очень нехорошее...

– Упаси тебя бог, парень, вляпаться в такую компанию, как когда-то вляпался в это дерьмо друг комиссара Корвилла по прозвищу Крутой Крек!.. – сжав веснушчатой лапой руку Сарматова, пробасил полицейский.

По лицу седого старика японца, сидящего на циновке, блуждала загадочная, доброжелательная улыбка. Временами он бросал на сидящих напротив Сарматова и Юсуфа цепкие взгляды и тут же отводил раскосые глаза в сторону. Сарматов участия в разговоре не принимал. Он внимательно изучал такономе – нишу с икебаной, имеющуюся в каждом японском доме, и какомоно – картину с традиционным японским пейзажем.

Выслушав от Юсуфа историю злоключений Сарматова, старик вздохнул и отвернулся к окну, за которым опадали с отцветающей сакуры нежно-розовые лепестки.

– «Печальный, печальный мир! Даже когда расцветают вишни... Даже тогда...» – с грустью процитировал он средневекового японского поэта и, выдержав долгую паузу, добавил: – За долгие годы жизни бродячий самурай Осира сделал лишь один правильный вывод: нам не дано изменить мир, но мы можем ценой жертвенного служения долгу изменить себя, и тогда, возможно, в мире будет меньше горя и слез.

– Истинно так, – поспешил согласиться Юсуф.

– Нет сомнений, уважаемый коллега, – повернулся старик к нему, – ваш друг обладает очень сильным характером и твердой волей. Его лицо напоминает мне маску... Маску мицухире – японского героя-воина. В его жизни, вероятно, были страдания и проблемы при исполнении долга, но я вижу, что они не ожесточили его душу. Смирение, с каким он переносит выпавшие на его долю испытания, вызывает у старого Осире восхищение, ведь смирение и покорность судьбе – отличительная черта моих соплеменников, коллега. Я рад убедиться, что эти качества свойственны и лучшим представителям других народов.

– Уважаемый сэнсэй, да продлит Аллах ваши дни, у моего друга есть надежда, что память когда-нибудь вернется к нему?

– Старый Осира не может пока ответить положительно на этот вопрос. Сознание пациента все еще полностью разъято с его подсознательной основой.

– Значит, ответ сэнсэя – отрицательный?

– Старый Осира не может дать и отрицательного ответа. – Бросив на Юсуфа короткий взгляд, японец скупно улыбнулся.

Не по-стариковски легко поднявшись с циновки, он кивком головы пригласил Юсуфа следовать за ним в ухоженный японский дворик. Углубившись в созерцание такономе, Сарматов не заметил их ухода и остался сидеть на циновке.

– «Печальный, печальный мир! Даже когда расцветают вишни... Даже тогда...» – глядя на деревце сакуры, повторил во дворике Осира-сан. – Ваш друг лишен памяти и вследствие этого – национальности, образования, тепла близких людей. Но главное, он лишен собственного «я». Он чистый лист бумаги, на котором теперь любой может написать иероглифы добра и, увы, иероглифы зла...

– Мне нечего возразить, – отозвался Юсуф. – Я лишь осмеливаюсь просить уважаемого сэнсэя начертать хотя бы несколько иероглифов добра на белом листе души несчастного, чтобы в последующей его жизни было меньше иероглифов зла...

– Вы угадываете извилистый путь моих мыслей! – улыбнулся Осира. – Однако осознать свое «я» он должен сам. Я могу лишь направить его по верному пути и предостеречь от соблазнов и ошибок, но только в том случае, если больной полностью доверится мне...

– Что вы имеете в виду, уважаемый Осира-сан?

– В моей клинике я помогаю пациентам постигать сущность бытия и избавляться от психических недугов при помощи древнего искусства японцев дзен в традициях школы Риндзай по методике коанов. Тренировки по этой системе и по методике дзадзен способствуют самосредоточению, наблюдательности, бдительности путем выключения рационального сознания. В процессе медитации и интенсивных тренировок больной может воссоединить свое сознание с подсознательной основой, но при условии полного доверия к своему учителю.

– Осмелюсь спросить, профессор, что такое методика коанов?

– Коаны – это задачи, решая которые в процессе медитации, человек переходит к другому виду мышления, дающему возможность познавать тайны бытия и по-новому видеть события своей жизни. Решение коана сопровождается вспышками психической энергии в виде импульсов, высветляющих память, и приливами сверхчувствительности, которые можно назвать озарением. Японцы называют это состояние сатори. При сатори к человеку приходит понимание подлинной сути вещей и событий, а через это – осознание своего «я» в окружающем его мире. В процессе достижения сатори излечиваются многие хронические недуги и нарушения в центральной нервной системе, что ведет к общему улучшению памяти.

– Сколько времени займет такое лечение, уважаемый профессор? – скрывая тревогу, спросил Юсуф.

– На овладение искусством дзен европейцу требуются многие годы, а иногда и вся жизнь. Тренировки пациента проходят под руководством учителя и опытных наставников по борьбе карате, по стрельбе из лука кюдо, по фехтованию кендо и многому другому, – пояснил тот и, кинув на Юсуфа взгляд, усмехнулся: – Насколько я понимаю, коллегу интересует плата за лечение его друга?..

– Вы читаете мои мысли, уважаемый Осира-сан, – смутился Юсуф. – Мы располагаем некоторой суммой, но хватит ли ее на долгие годы пребывания мистера Карпентера в вашем монастыре?..

– К несчастью, финансовое положение моей клиники оставляет желать лучшего. Но давайте договоримся, что эту тему мы с вами обсудим через год, когда будут видны первые

результаты лечения, – прервал Юсуф старик и внимательно посмотрел в его черные глаза. – Однако есть более деликатный вопрос, коллега...

– Недостойный Юсуф весь внимание, уважаемый профессор!

– По неписаным правилам человек добровольно посвящает себя искусству дзен, но ваш друг недееспособен, и нам придется решать за него. Старый Осира спрашивает себя: имеет ли он на это право?..

– Да сделает Аллах счастливым каждый ваш день, Осира-сан! – с жаром воскликнул Юсуф. – Но если мы оставим его один на один с жестоким миром, зло может заполнить одними черными иероглифами белый лист его души!

– Почему вы принимаете такое участие в судьбе этого человека? – внимательно посмотрел на него старик.

– Я поклялся на древнем Коране, привезенном из Мекки, что не оставлю этого человека до часа его выздоровления или... или смерти! – несколько смутившись от его взгляда, ответил тот. – Юсуф не может нарушить клятвы, уважаемый Осира-сан.

– Поистине: «Бог живет в честном сердце», – улыбнулся старый японец. – Лечение вашего друга будет проходить в филиале моей клиники – уединенном монастыре «Перелетных диких гусей». Это недалеко от города, на берегу моря. Там ваш друг под присмотром наставников – монахов, в совершенстве владеющих методикой дзен-тренировок, – обретет покой и душевное равновесие.

– Да продлит ваши дни Аллах! – вскинул руки Юсуф. – Я могу изредка навещать моего друга?

– Старый Осира просит коллегу об этом, – поклонился старик и, подумав, добавил: – В монастыре по ускоренной методике овладевают искусством дзен богатые европейские и американские бездельники... Коллега может оказывать им медицинскую помощь по европейским стандартам.

– О Аллах Всемогуший! – закатил глаза к небу Юсуф. – Значит, я смогу увидеть на практике то, о чем еще студентом читал у Юнга и Фромма!

Скупая улыбка тронула губы старика.

– Карл Юнг и Эрих Фромм большие путаники, но они кое-что сделали для сближения восточной и европейской медицины.

Когда Осира и Юсуф вернулись в дом, они застали Сарматова в той же расслабленной позе созерцающим тахомоме.

– Мне кажется, что я был там! – показал он на картину с изображением дерева, вцепившегося корнями в нависающую над рекой скалу. – Но никак не могу вспомнить, где это и когда я там был...

– Значит, этот пейзаж живет в твоей отзывчивой на красоту душе. Но душа твоя больна, потому ты и не можешь вспомнить, откуда он тебе знаком, – садясь напротив него на татами, мягко сказал Осира. – Согласен ли ты поехать в монастырь «Перелетных диких гусей», чтобы лечить там свою душу?

– Чтобы вылечить, я согласен ехать куда угодно.

– Согласен ли ты, чтобы на трудном пути выздоровления у тебя был сэнсэй?

– Сэнсэй, кажется, это – учитель? – наморщил лоб Сарматов.

– Скорее, поводыр для тела и души воина. Согласен ли ты, Джон Ли Карпентер, чтобы твоим сэнсэем стал старый японский самурай Осира, сидящий сейчас перед тобой?

– Согласен. Я буду во всем подчиняться требованиям моего сэнсэя.

– Чтобы скрасить твое одиночество в монастыре, магометанин Юсуф будет часто навещать тебя.

– Аригато дзондзимас, сэнсэй! – вытянув вперед руки и касаясь лбом циновки, благодарно воскликнул Сарматов.

– Что он сказал? – с удивлением спросил Юсуф.

– Он поблагодарил меня на старом японском языке! – ответил не менее удивленный Осира и пристально посмотрел на Сарматова. – Откуда ты знаешь эти слова?

– Не помню, сэнсэй.

– Странно! – задумчиво протянул старик. – Похоже, на листе его жизни кем-то уже написаны несколько красивых иероглифов дзен, древнего искусства самураев... Защищайся! – легко поднявшись с татами, вдруг отрывисто крикнул он и сделал выпад ногой в стоящего на коленях Сарматова.

Тот уклонился и, вскочив на ноги, встал в позу защиты. Последовал новый стремительный выпад старого самурая, и снова Сарматов ловко ушел в сторону. Следующая атака старика сопровождалась характерным для карате криком на выдохе. Сарматов и на сей раз удачно нейтрализовал ее, и сам с таким же криком неожиданно перешел в наступление, от которого не ожидавшему такого отпора японцу пришлось бы плохо, не перейди он к глухой обороне.

– Глаза не обманули Осиру, разглядевшего маску героя-воина мицухире на лице вашего друга, коллеги! – удовлетворенно сказал японец, возвращаясь на циновку. – Когда-то он постигал искусство дзен по правилам школы Риндзай и достиг невероятных для европейца высот... Душа забыла о том, но его мышцы и тело все помнят. Старый самурай Осира не может гарантировать ему возврат памяти, но он может помочь его душе снова вернуться на путь воина – бусидо!

– Разве может быть воин без памяти?

– Память для воина – обоюдоострый самурайский меч, – задумчиво сказал старик. – Память о прожитой жизни может укрепить его дух в сражении, но может и смутить его, сделать нетвердой руку... Для лейтенанта Императорской армии Осиры такое когда-то закончилось шестью годами русского плена...

– Осира-сан хочет сказать, что воину не нужна память? – недоверчиво переспросил Юсуф.

– Я хочу сказать, что в бою память надо прятать как можно глубже, – склонил седую голову Осира. – В сорок пятом году на Сахалине на мою пулеметную роту обрушились русские парашютисты. В конце боя я не ко времени вспомнил, как в родном Нагасаки меня провожала на войну жена с двумя моими сыновьями на руках. Моя рука дрогнула от воспоминаний о близких и не успела выхватить самурайский меч, чтобы сделать харакири...

– Стали ли сыновья утешением вашей жизни? – осмелился спросить Юсуф.

– В Нагасаки по ним каждый день звонит колокол, – тихо ответил Осира и отвернулся, чтобы скрыть увлажнившиеся глаза. Вспоминая унесенную американским ядерным смерчем семью и свой горький плен на ледяных сибирских просторах, старик надолго замолчал. – Кто помогает больному, тот долго живет! – наконец решительно произнес он. – Оставляйте его на мое попечительство, colega, и возвращайтесь к своим делам.

– О Аллах Всемогущий! – воскликнул Юсуф, скрывая за глубоким поклоном блеск слез на глазах. – Благодарю, благодарю вас, Осира-сан! Недостойный Юсуф запомнит все, что услышал от вас!..

Проводив его до резных ворот монастыря, старый Осира пристально посмотрел в его черные глаза и сказал:

– Запомните, у всех народов жизнь воина – дорога, у которой есть начало и нет конца, но это только в том случае, если воин, ступая по ней, никогда не расставался с честью, не ведал грехов корысти и предательства.

Юсуф в знак согласия затряс тюрбаном.

– В моем родном памирском кишлаке я часто слышал об этом от седобородых аксакалов, – сказал он. – Благодарю, благодарю, уважаемый профессор, за ваше желание исцелить моего друга!

Он даже преклонил колени, чтобы поцеловать у старика руку.

– Моя машина направляется сейчас в Сянган, – остановил его Осира. – Монах-водитель может завезти вас в отель, коллега.

– О нет! – с жаром воскликнул Юсуф. – Я пешком... Хочу вдоволь вдохнуть воздух свободы.

Осира долго провожал взглядом уходящую за изгиб дороги шуплую фигурку. Что-то в восторженном магометанине встревожило старого самурая, но он никак не мог понять, что... «Может, то, что за черными как ночь глазами магометанина я совершенно не рассмотрел его душу? – спросил он себя. – Ответ на мою тревогу даст время. Однако надо попросить старшего монаха Ямаситу внимательно присмотреться к нему».

В километре от монастыря дорогу беззаботно шагающему Юсуфу перегородила легковая машина с затененными стеклами. Из нее шумной толпой вывалились несколько арабов и с раскрытыми объятиями бросились к доктору.

– Удалось ли, уважаемый брат Юсуф, пристроить гяура к старому японцу? – когда стих радостный гул взаимных приветствий, спросил его араб в пестром бедуинском бурнусе.

– Вполне, брат Махмуд! – воскликнул тот. – Оказалось, что какой-то полицейский комиссар по фамилии Корвилл заранее договорился со старым самураем о лечении моего русского гяура.

– Значит, это люди комиссара сорвали нашу встречу в аэропорту, когда вы с гяуром прилетели из Исламабада? – вмиг сошла улыбка со смуглого лица Махмуда. – Плохой знак, брат Юсуф!.. Люди триады стараются держаться подальше от Корвилла и его помощника рыжего Бейли.

– Неужели фараоны засекли нас в аэропорту? – не на шутку встревожился молодой араб, скрывающий глаза за темными стеклами модных очков.

– Ха-ха-ха!.. У страха глаза велики! – смеясь, ответил Юсуф. – Не стоит волноваться, братья. Комиссар Корвилл и покровитель потерявшего память гяура в Пешаваре полковник ЦРУ Метлоу оказались сослуживцами по вьетнамской войне. Вот Метлоу и попросил Корвилла встретить нас в аэропорту.

– Азиатский тигр, – обратился к Юсуфу пожилой араб, – мы не знаем, что думать, ты две недели избегал встречи с нами.

– Метлоу не пронюхал о моем статусе в клинике Айюб-хана. – Юсуф опять засмеялся. – Но он мог попросить Корвилла сесть мне на хвост. Чтобы не засветить братьев перед его фараонами, я не стал сразу выходить с вами на связь. Однако времени даром я не терял – за эти две недели успел оформить лицензию на частную медицинскую практику и теперь могу даже пользоваться богатых клиентов клиники сумасшедшего Осире, предпочитающих сочетать его шарлатанство с достижениями европейской медицины.

– За русского гяура теперь в ответе японец Осира, а не ты... Не так ли, Азиатский тигр? – спросил его араб в бурнусе.

– Так, – насторожился тот, – но почему это интересует тебя, брат Махмуд?

– Чтобы гяур не достался ЦРУ, он должен исчезнуть, – провел рукой по горлу араб в бурнусе. – Наш дорогой брат Али-хан настаивает на этом.

– Али-хан настаивает! – В черных глазах Юсуфа полыхнула ярость. – Запомните все: гяур принадлежит мне, а не ЦРУ и Али-хану с его грязной пакистанской разведкой.

– Разве гяур не был его товаром? – закипел араб в черных очках. – У нас принято уважать собственность братьев.

– Гяур – мой! – крикнул Юсуф и, молниеносным движением выхватив из-за пояса араба в бурнусе кривой кинжал, прижал лезвие к его горлу. – Не для того я полтора года вырывал его из когтей смерти, чтобы отдать на растерзание Али-хану!

– Опомнись, Азиатский тигр! – выпучил от страха глаза араб. – Али-хан наш брат...

– Брат?! Брат?! – заклокотал Юсуф. – Жирная свинья втерлась к вам в доверие, чтобы его поганая ИСИ направляла разящие лезвия ваших кинжалов в нужную ей сторону. Глупцы, неужели вы этого не понимаете?

– Мы примем мнение Азиатского тигра к сведению, – отстраняя кинжал от своего горла, сухо сказал Махмуд. – Но как объяснить остальным братьям, зачем тебе гяур?

– Разве нам не нужны воины, брат Махмуд?

– Какой воин из человека без памяти? – удивился араб в темных очках.

– Старый самурай Осира уверяет, что люди, не помнящие прошлого, самые лучшие воины, – выкрикнул Юсуф. – Разве нам не пригодятся биороботы, не знающие страха и пощады к нашим врагам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.